

ИНОКИ НА СЛУЖБѢ БЛИЖНИМЪ.

I.

„Кто не противъ васъ, тотъ за васъ“
(Лк. 9, 50).

Въ 1886 году я гулялъ однажды съ своимъ старымъ знакомымъ докторомъ. Это былъ весьма замѣчательный, просто рѣдкій человѣкъ: умница, пылкій, стремительный, самоотверженный до послѣдней степени, рѣшившій не жениться, чтобы всего себя отдать на служеніе ближнему, человѣкъ съ золотымъ сердцемъ. Съ необыкновеннымъ одушевленіемъ онъ разсказывалъ мнѣ о своей службѣ въ захолустной деревнѣ. Разсказывалъ, какъ тамъ среди нищеты и невѣжества мрутъ люди, между тѣмъ какъ, при другихъ болѣе хорошихъ условіяхъ, они могли бы жить многіе годы. Разсказывалъ, какъ сотнями помираютъ дѣти только потому, что нѣтъ людей, которые могли бы во время подать имъ помощь. Поразительно ярко живописалъ онъ полную безпомощность больного въ крестьянской избѣ, который лежитъ часто одинокій безъ ухода, безъ достаточнаго тепла, свѣта, питанія, лекарствъ. Разсказывалъ, какъ онъ проводилъ цѣлыя ночи надъ изголовьемъ подобныхъ больныхъ и какъ много онъ переживалъ въ эти часы. Добрыя отношенія къ народу создали ему такія симпатіи среди народа, что его многіе называли просто „ангеломъ-хранителемъ“.

— Да, можно трудиться, дѣла много, — закончилъ свою воодушевленную рѣчь докторъ.

Пораженный всѣмъ слышаннымъ, я ничего не отвѣчалъ на слова доктора.

— А что дѣлають тамъ?

— Гдѣ?—спросилъ я.

Онъ показалъ мнѣ на монастырь, возлѣ бѣлою высокою стѣны котораго мы гуляли съ докторомъ. Прежде чѣмъ я успѣлъ ему хотя что-нибудь сказать или даже переспросить его, что означаетъ этотъ вопросъ, какъ онъ, продолжая свою рѣчь, говорилъ:

— Отцы и учителя, что есть инокъ? Въ просвѣщенномъ мірѣ слово сіе произносится въ наши дни у иныхъ даже съ насмѣшкой, а у нѣкоторыхъ и какъ бранное. И чѣмъ дальше, тѣмъ больше. Правда, охъ правда, много и въ монастырѣ тунеядцевъ, плотоугодниковъ, сластолюбцевъ и наглыхъ бродягъ. На сіе указываютъ образованные свѣтскіе люди: Вы дескать лѣнтяи и бесполезные члены общества, живете чужимъ трудомъ, безстыдные нищѣ“... Припоминаете эти чудныя слова нашего безсмертнаго писателя-христианина Ф. М. Достоевскаго?.. Да, ничего, ничего рѣшительно они не дѣлають. Это—трутни... И за что только получаютъ жалованье? Настоящіе какъ бы чиновники, состоящіе на государственной службѣ. А нѣкоторые дѣйствительно и не съ народа получаютъ свое жалованье, а прямо изъ казны. Какая цѣна ихъ жизни въ сравненіи съ жизнью нашего простаго крестьянина. Живутъ въ теплѣ, свѣтлѣ, сыты, обуты, одѣты, будучи совершенно одинокими, получаютъ еще жалованье на что-то. Да и какое?... А крестьянинъ?... Насмотрѣлся я на эти его мозолистыя руки, согбенную спину отъ изнурительной работы, на черствый хлѣбъ, котораго у него не всегда бываетъ въ волю, на духоту, тѣсноту, убожество его жилища, переполненнаго иногда дѣтьми, на его почти постоянную беспомощность. Вотъ гдѣ терпѣніе, вотъ гдѣ трудъ, вотъ гдѣ величайшій подвигъ, вотъ гдѣ жизнь... Что вы мнѣ скажете на это, г. богословъ?

Прежде всего я страшно смутился и не зналъ, что ему отвѣчать. Жизни монастырской, какъ она сложилась въ настоящее время, я не зналъ почти совершенно. У меня были свѣдѣнія кое какія только о прошломъ монашества. Ихъ-то я и пустилъ въ оборотъ.

— Докторъ, началъ я. Развѣ вы не знаете великое прошлое монашества? Припомните, сколько оно оказало, если такъ можно выразиться, величайшихъ услугъ христіанскому

и нехристіанскому даже обществу. Припомните, сколько народа приходило къ различнымъ отшельникамъ, припомните, какъ по завѣтамъ этихъ отшельниковъ сотни тысячъ людей слагали свою жизнь, начиная съ мелочей и кончая самыми крупными сторонами своей жизни. Они вліяли не только на простой народъ, но и на князей, царей; они помогали устройенію не только душъ человѣческихъ, но и даже внѣшней государственной жизни.

Я собирался еще нѣсколько патетическихъ мѣстъ произнести, но меня оставновили на полусловѣ.

— Простите, сказалъ докторъ. Я спрашиваю васъ не о тѣхъ монахахъ, о которыхъ вы все говорите, а о настоящихъ монахахъ. Иначе вѣдь это выходитъ: „наши предки Римъ спасли“.

Сознаюсь, мнѣ не хотѣлось уступить доктору ни въ чемъ. Я хотѣлъ отстоять свою позицію во что бы то ни стало, и заговорилъ о молитвѣ монаховъ, о богослуженіи, словомъ, собралъ все, что только могъ сказать въ защиту современнаго монашества. Но меня опять прервали.

— Вы говорите—начальъ докторъ, о богослуженіи, какія должны посѣщать монахи. Допустимъ, что они ежедневно всѣ ходятъ на всѣ богослуженія (а многіе ли изъ нихъ бываютъ ежедневно-то?), то вѣдь и въ такомъ случаѣ получается всего только какихъ-либо четыре, пять часовъ. Вотъ считайте: утренняя два часа, вечерняя часъ, обѣдня два часа. Куда же идуть въ сутки цѣлыхъ 19 часовъ?

— Докторъ, началъ я, вы забываете, что монаху нужно и отдохнуть послѣ трудовъ постояннаго стоянія въ церкви и напряженной молитвы.

— Пусть отдыхаетъ, но вѣдь не выдюжить ежедневно столько отдыхать. Это физически невозможно.

Я съ поразительнымъ упрямствомъ продолжалъ отстаивать свою мысль и отстаивалъ ее, нисколько не лукавя и не кривя своей душой. Но при этомъ полномъ моемъ расположеніи къ монастырю, я въ глубинѣ своей души чувствовалъ, что докторъ мой что-то говоритъ весьма правдивое, что-то такое, чего не опровергнуть никакъ.

Долго и горячо мы съ нимъ спорили, но я не могъ заставить преклониться доктора предъ дѣятельностью насельниковъ того монастыря, возлѣ стѣны котораго мы гуляли съ нимъ. Еще когда я ему говорилъ о жизни древ-

няго монашества—восточнаго и русскаго,—онъ кое съ чѣмъ соглашался. Но когда мы переходили къ нашимъ днямъ, онъ становился, что называется, на дыбы и ничего не хотѣлъ слушать.

Много лѣтъ прошло съ того времени, какъ происходила эта бесѣда. Я возмужалъ, сталъ учиться въ высшей богословской школѣ, кончилъ въ ней уже курсъ, а вопросъ моего знакомаго доктора: „что они тамъ дѣлають?“ до сихъ поръ остается вопросомъ. Я встрѣчался съ этимъ вопросомъ многожды. Его почти постоянно поднимають въ литературѣ и въ обществѣ, иногда обсуждаютъ вкривь и вкосъ. Вотъ нѣсколько страницъ изъ литературы по этому вопросу.

Въ то время, какъ иноки тихо и покойно сидятъ за высокими стѣнами, ихъ стараются облечь во всевозможныя новыя формы жизни и дѣятельности. Вотъ нѣкоторыя изъ этихъ гаданій свѣтскихъ и несвѣтскихъ писателей.

„Уже давно раздавались голоса, призывавшіе наши монастыри на службу міру, которая не противорѣчитъ прямой задачѣ, не исключаетъ ее, ибо служба міру покоится на любви къ ближнему, а любовь — фундаментъ христіанскаго ученія и если она обязательна для каждаго христіанина, то тѣмъ болѣе для инока — наисовершеннѣйшаго христіанина. Конечно, молитвенный подвигъ великое дѣло, но онъ не исключаетъ службы міру. Сверхъ того, по вѣрному замѣчанію профессора Рачинскаго, этого насадителя въ духъ православія, „далеко не всѣмъ, скорѣе очень немногимъ, доступны высшія ступени жизни созерцательной, тогда какъ люди, мучимые потребностью отдать себя безъ остатка на служеніе Богу и ближнему всегда были, есть и будутъ.

Какая же это служба міру?

На это даетъ отвѣтъ своею дѣятельностью покойная великая княгиня Александра Петровна, въ монашествѣ инокиня Анастасія. Ея заслуги громадны. Она указала монастырямъ, что наступила пора для нихъ принять самое дѣятельное участіе въ дѣлѣ охраненія народнаго здравія. Покойная княгиня-инокиня своею дѣятельностью подала благой примѣръ монастырямъ. Въ предмѣстьяхъ Кіева, на совершенно безплодной пустыни, возникъ цѣлый городокъ Покровской общины со строгимъ монастырскимъ уставомъ. При Покровскомъ женскомъ монастырѣ строится грандіоз-

ная больница, въ которой простота соединяется съ требованіями гигиены. Весь бѣдный людъ Кіева и окрестностей получаетъ здѣсь бесплатную помощь. Уходъ за больными порученъ монахинямъ, которымъ примѣръ подаетъ сама княгиня, ухаживающая за недужными съ христіанскимъ самоотверженіемъ, не боящаяся грязи, заразы, обмывающая своими руками язвы. Возникають пріютъ, школа“...

Въ то время какъ княгиня-инокиня призываетъ наши монастыри къ медицинской помощи бѣднымъ людямъ, Рачинскій ждетъ возрожденія воспитательной дѣятельности въ нашихъ монастыряхъ. По силѣ вещей, говоритъ онъ по всей Сѣверной Россіи, не предвидится времени, гдѣ бы сельскія школы могли обойтись безъ общежитій въ той или другой формѣ. Кому же, спрашиваетъ онъ, взять на себя попеченіе объ этихъ общежитіяхъ? Гдѣ силы? По его мнѣнію, они въ монастыряхъ. „Живое монашество—необходимый органъ всякой живой Церкви, а Церковь наша жива. Въ толпѣ смиренныхъ труженниковъ, постоянно выдѣляющихся изъ народа, чтобы нести въ монастыряхъ всю тяжесть сложныхъ обязанностей инока, съ каждымъ годомъ будутъ умножаться люди твердограмотные, прошедшіе черезъ правильную школу. Они съ радостью понесутъ это новое послушаніе (отъ котораго вѣтъ стариной—прибавлю я). Возрожденіе такой образовательно-воспитательной дѣятельности монастырской привлечетъ въ ихъ стѣны и немалое количество людей гораздо болѣе образованныхъ. Велико обаяніе общаго чистаго дѣла, не умирающаго со смертію отдѣльныхъ дѣятелей. Велико обаяніе нравственной свободы, достижимое только черезъ отреченіе отъ многого“.

„Вотъ вамъ и новая задача. Къ уходу за недужными призываетъ своимъ примѣромъ покойная подвижница-инокиня, призываетъ къ тому служенію—*миру*, которое уже издревле несли иноки. Къ сожалѣнію, этотъ путь теперь оставленъ: при монастыряхъ почти нѣтъ пріютовъ для бѣдныхъ и увѣчныхъ, нѣтъ больницъ для мірянъ, посѣщающихъ монастыри, не находящихъ помощи въ мірѣ“.

„Когда Россіи нужна была помощь на войнѣ съ ея врагами, то св. основатель Лавры Троицкой не отказалъ въ ней, пославъ двухъ иноковъ сражаться съ врагомъ родины.“

Но кто же не понимаетъ, что страна не тогда только въ опасности, когда идетъ на нее внѣшній врагъ, а также и тогда, когда ей угрожаютъ враги внутренніе. А голодъ не врагъ? А эпидеміи не враги? А невѣжество или образованіе безъ вѣры? Постоянно говорятъ: народъ развращается, дурно просвѣщается, потому что школы слабо преслѣдуютъ идею православія. Такъ монастыри ли могутъ отказаться отъ высокой службы просвѣщенія народа въ духъ Православной Церкви въ то время, когда съ одной стороны смутьянцы ведутъ борьбу противъ православія, а съ другой—съ высоты престола раздался голосъ о необходимости поднять религиозное воспитаніе въ войскахъ? Значитъ врагъ опасенъ, нужда насущная... Монастыри ли останутся глухи къ голосу жизни, — Троицкая ли Лавра, помня завѣтъ своего св. основателя, пославшаго иноковъ сражаться за свободу Руси отъ внѣшнихъ враговъ, не вышлетъ нынѣ на иную битву своихъ иноковъ? Этого нельзя допустить... Я вѣрю вмѣстѣ съ Рачинскимъ, что на новое послушаніе монастыри отзовутся сочувственно и выкажутъ свою энергію въ благомъ дѣлѣ,—а какъ же не благое дѣло кормленіе голодныхъ, врачеваніе и призрѣніе недужныхъ и слабыхъ, просвѣщеніе темныхъ? Вѣдь это обязательно для каждаго христіанина, тѣмъ болѣе для тѣхъ, которые взяли на себя добровольно самые тяжелые подвиги христіанства“.

„Заглянемъ въ прошлое. Возьмемъ подвижниковъ, среди которыхъ закалялъ себя св. Іоаннъ Златоустъ. Вотъ ихъ жизнь, по словамъ самаго великаго учителя Церкви. „Пустынники, едва начинаетъ всходить солнце, или еще до разсвѣта поднимаются съ ложа и поютъ гимны Богу. Послѣ этого иные читаютъ священные книги, иные занимаются рукодѣліемъ, трудами рукъ своихъ приобрѣтаютъ необходимое для бѣдныхъ, потому что любятъ нищихъ и увѣчныхъ; другіе врачуютъ недужныхъ и ходятъ за ними“.

„Когда-то монастыри на Руси занимали передовую позицію, являясь очагами просвѣщенія. „А нынѣ монастыри, по словамъ одного Богословскаго Академическаго журнала, несомнѣнно отстали отъ общества, и если дѣло пойдетъ такъ и далѣе, то недалеко время, когда они отстанутъ и отъ простаго народа. Предвѣстники будущаго уже есть. А это будущее печально, ибо монашество принципиально - благод-

нѣйшій цвѣтъ христіанства, по мѣткому выраженію покойнаго архіеп. Никанора. Не только печально, но и ужасно, если монастыри потеряютъ свое обаяніе въ глазахъ народа. Вмѣстѣ съ этимъ обаяніемъ можетъ пропасть и благоговѣніе къ тому, что связано съ монастырями, но за нихъ не отвѣтственно“. Эти слова особенно заслуживаютъ вниманія въ наши смутные дни, которые еще только начинаются“¹⁾...

Недавно въ одномъ изъ свѣтскихъ журналовъ было напечатано очень интересное стихотвореніе на тему объ идеалахъ православнаго монашества. Это стихотвореніе, съ увѣренностью можно сказать, отражаетъ въ себѣ думы многихъ современныхъ русскихъ людей о монашествѣ. Вотъ что говорить здѣсь о монашествѣ авторъ.

На холмѣ прибрежномъ, таяся въ глуши,
Надъ бурной рѣкою глубокой —
Пріютъ для скорбящихъ, спасенье души,
Стоитъ монастырь одинокій.
Дороги не идутъ къ нему, какъ лучи,
Сходясь и опять разбѣгаясь,
Никто ни по утру, ни въ темень ночи
Не ѣдетъ, къ нему направляясь...
Туда богомольцы усталой толпой
Вразбродъ не плетутся въ молчаньи;
У паперти „Лазаря“, въ праздникъ слѣпой
Не тянетъ, прося подаянья...
Пустыненъ и дикъ монастырь молодой,
Какъ островъ, затерянный въ морѣ;
Въ немъ юноша пылкій и старецъ сѣдой
Забыли и радость, и горе...
Ночь. Братія спитъ. У чугуновой доски
Игумень, въ тулупѣ, съ клюкою,
Не вѣдая страха, не зная тоски,
Хранитъ это мѣсто святое.
Какъ сердца молитва,—безмолвье ночное,
Звѣзда, какъ свѣча предъ иконою, дрожитъ;
Въ низинахъ прибрежныхъ дыханье рѣчное

¹⁾ А. *Кругловъ*. На службѣ міру—на службѣ Богу. (Душеп. Чт. 1902 г. Мѣс. Окт. Стр. 186 слл.).

Куреньмъ кадильнымъ летить.
 Игумень дремлетъ... Вдругъ сквозь сонъ
 Шаги онъ слышитъ и шуршанье,
 Тяжелый вздохъ и слабый стонъ...
 Предъ нимъ—въ одномъ полукафтани,
 Босой, съ открытой головой,
 Какъ оглашенные въ притворѣ,
 Стоитъ отшельникъ молодой,
 Съ мольбой отчаянья во взорѣ.
 — Отецъ, о, выслушай, прошу,
 Послѣднее моленье.
 Въ груди моей я вновь ношу
 Забытое томленье...
 Когда съ истерзанной душой
 Въ твою, отецъ, обитель
 Вступилъ я твердою стопой,—
 Я вѣрилъ: мой мучитель,—
 Унынья духъ,—подъ кровъ святой
 Не вступить дерзновенный;
 И я душѣ моей покой
 Найду благословенный,—
 Покой незлобивыхъ сердець,
 Не ведшихъ съ жизнью битвы;—
 И я искалъ его, отецъ,
 Въ трудахъ поста, молитвы...
 И вотъ что разъ со мною было:
 Зима ужъ уходила,
 Природы мертвенный покой
 Смѣняла жизни сила.
 Пригрѣтый солнечнымъ лучемъ,
 Сталъ таять снѣгъ на нивахъ;
 Ручей катился за ручьемъ
 Въ причудливыхъ извилахъ.
 Глубокъ и чистъ былъ сводъ небесъ,
 Въ рѣкѣ струи блестѣли;
 Листою опушился лѣсъ;
 Немолчно птицы пѣли.
 Тянули въ небѣ журавли;
 Проснулся боръ сосновый...
 Тепломъ дышала грудь земли,

Все билось жизнью новой...
 А я себя не узнавалъ:
 Безъ счастья, безъ волненья,
 Безстрастно, холодно взиралъ
 На праздникъ обновленья...
 Мнѣ жизнь чужда. О, я спасень...
 Покой душѣ мятежной
 Моей насталъ. Но то былъ сонъ,
 Видѣнье грезы вѣжной.

.
 Ты помнишь, наконецъ, пошлалъ
 Меня за подаяньемъ,
 Какъ всѣхъ. Я знаю: ты желалъ
 Чтобъ это испытаньемъ
 Послѣднимъ было для меня.
 Повѣяло бывшее,
 Я видѣлъ ужасъ нищеты,
 Я видѣлъ тамъ страданья,
 И смерти грозныя черты;
 И слышалъ стонъ, рыданья...
 Тогда я понялъ наконецъ,
 Какъ жизнь моя бесплодна.
 Скажи, молю тебя, отецъ,
 Такая-ль жизнь угодна
 Тому, Кто насъ училъ творить
 Дѣла любви, спасенья,
 Имъ жизнь, имъ силы посвятить,
 Терпѣть вражду, мученья?
 На что жъ моленья вамъ мои,
 Подвижники терпѣнья?
 Вамъ легче-ль будетъ, что они
 Въ тиши уединенья
 Изъ сердца, полного тоски,
 Исторглись со слезами?
 И мнѣ ль замаливать грѣхи,
 Содѣланные вами?
 Нѣтъ тамъ, межъ нихъ,
 Средь дымныхъ хатъ,
 Среди полей сожженныхъ,
 Я буду вѣрный другъ и братъ

Всѣхъ жизнью угнетенныхъ.
 Дѣля страданья ихъ, труды,
 Любя, терпя, прощая,
 Иду во слѣдъ моей звѣзды,
 Иду къ блаженству рая...
 Вѣдь Самъ Господь нашъ во плоти
 Трудясь, жилъ между нами...
 Дозволь, отецъ, и мнѣ идти
 Учителя стопами.
 — Иди, мой сынъ, сказалъ монахъ.
 Блаженъ, кто въ свѣтѣ ходитъ.
 Господь, читающій въ сердцахъ,
 Тобою руководитъ.
 Неси въ мѣръ горя, слезъ съ собой
 Весь жаръ любви горящей...
 И да пошлетъ Господь покой
 Душѣ твоей скорбящей...
 И—онъ ушелъ... ¹⁾

Читая это стихотвореніе, нельзя не видѣть, что авторъ его въ своихъ взглядахъ на монашество ушелъ значительно дальше, чѣмъ г. Кругловъ. Если г. Кругловъ говоритъ, что иноку, при служеніи ближнему, нельзя удаляться, отъединяться отъ своего монастыря, то этотъ уже проповѣдуетъ, что инокъ долженъ бросить монастырь во имя любви къ ближнему, во имя служенія бѣднымъ, холоднымъ, голоднымъ и всякимъ обездоленнымъ людямъ. Но что особенно интересно въ этой любопытной проповѣди автора—поэта, такъ это то, что будто бы и самъ старшій игуменъ, хранитель св. обители и завѣтовъ монашества, благословилъ уходящаго въ мѣръ инока словами:

Иди, мой сынъ.
 Блаженъ, кто въ свѣтѣ ходитъ.
 Господь, читающій въ сердцахъ,
 Тобою руководитъ...

Если это правда,—а для поэта это, конечно, правда,—то вѣдь послѣднія слова старца-игумена равносильны слѣдующимъ словамъ: оставимъ монастыри, сломаемъ монастырскія

¹⁾ Займствуемъ это стихотв. изъ ж. „Дѣтское Чтеніе“. 1900 г. Июль мѣс. Ср. Соловки Л. П. Стр. 59 сл. М. 1900 г.

стѣны и пойдемъ въ міръ служить всѣмъ обездоленнымъ людямъ, сольемся съ нашими братьями, что живутъ и страдаютъ въ міру.

Такая проповѣдь представляетъ собою проповѣдь полнаго уничтоженія монастыря и нашего монашества. Во имя служенія ближнимъ здѣсь попираются всѣ исконныя завѣты св. подвижниковъ объ устройствѣ иноческой жизни, уничтожаются главные обѣты монашескіе, а вмѣстѣ съ этимъ, естественно и само собой понятно, и самый институтъ монашества вычеркивается изъ исторіи и современной жизни совершенно.

Нерѣдкость встрѣтить въ обществѣ и литературѣ толки о превращеніи русскихъ монастырей безъ особенныхъ разсужденій просто въ больницы и богадѣльни. Что тутъ долго думать? Изъ недавняго сравнительно прошлаго мы знаемъ, что подобныя толки оставались не только толками, но и осуществлялись на дѣлѣ. Такъ во второй половинѣ 18 вѣка въ монастыряхъ спокойно размѣщали старыхъ солдатъ, инвалидовъ и различныхъ другихъ лицъ, нуждавшихся въ призрѣніи. Этого мало. Все лишнее, чѣмъ монастыри не сумѣли воспользоваться въ смыслѣ улучшенія своихъ школъ, миссій, различныхъ благотворительно-просвѣтительныхъ начинаній, и совсѣмъ было взято, какъ совершенно ненужное инокамъ ¹⁾. И, говорятъ, справедливо ²⁾. Кто же поручится, что этого и снова не будетъ, какъ бывало не разъ и прежде не только въ 18 столѣтіи, но и въ другихъ столѣтіяхъ? Чего не хотятъ сдѣлать добровольно, то, можетъ быть, придется сдѣлать насильно....

Думая привлечь монаховъ къ служенію обществу, люди не прочь сослаться на прошлое монашества и привести изъ него въ защиту себя весьма краснорѣчивые примѣры. Свѣтскіе правители, — говорятъ, — не разъ воздвигали гоненія на монаховъ, желая привлечь ихъ къ участию въ общественной жизни. Такъ еще въ IV в. императоръ Валентъ издалъ очень любопытный указъ о монахахъ. Въ своемъ указѣ онъ называетъ монаховъ „лѣнтяями“, которые подъ видомъ отреченія отъ міра для служенія Богу, скрываютъ своекорыстныя цѣли—

¹⁾ Н. П. Гилъровъ-Платоновъ. Сборникъ сочиненій. Т. II, стр. 69 сл. Изд. К. П. Побѣдоносцева. Москва 1900 г.

²⁾ На эту тему даже написана одна магистерская диссертация.

желаніе освободиться отъ воинской повинности и удержать за собою имущество. Въ виду этого онъ приказалъ управляющему восточными провинціями или удалять ихъ изъ убѣжищъ, чтобы они принимали участіе въ государственныхъ налогахъ, или побуждать къ тому, чтобы они отказывались отъ своихъ имуществъ ¹⁾. Министры Валента, по словамъ Гиббона, расширили цѣль этой карательной мѣры: они позволяли себѣ вербовать молодыхъ и здоровыхъ монаховъ даже въ императорскую армію ²⁾. Этотъ взглядъ на монаховъ, легшій въ основаніе изданнаго императоромъ Валентомъ указа, былъ встрѣченъ съ сочувствіемъ не только среди язычниковъ, но и среди даже христіанъ. О томъ озлобленіи, какое питало общество противъ монаховъ, св. Іоаннъ Златоустъ въ своемъ словѣ „противъ недоброжелателей монашеской жизни“ говоритъ: „Пойдешь ли на площадь, или въ какую-либо часть города, вездѣ увидишь, какой смѣхъ поднимаютъ люди, ничего не хотящіе дѣлать. Предметами этого смѣха служатъ рассказы о томъ, что сдѣлано со святыми мужами. Ты услышишь, какъ одинъ говоритъ: я первый наложилъ руку на такого-то монаха и нанесъ ему удары, другой: я прежде другихъ отыскалъ его келью; а я, говоритъ иной, сильнѣе другихъ раздражилъ противъ него судью; иной хвастаетъ темницей и ея ужасами и тѣмъ, что онъ влачилъ святыхъ тѣхъ по площади, иной говоритъ что-ниб. иное. И это дѣлается въ обществѣ христіанъ“ ³⁾.

Желая привлечь иноковъ къ служенію обществу, не разсуждаютъ даже о томъ, что совершаютъ грубое насиліе. Въ самомъ дѣлѣ, когда, наприм., говорятъ объ имущественномъ равенствѣ всѣхъ, о раздѣлѣ имущества богатыхъ между бѣдняками, то мы вѣдь возмущаемся этимъ до глубины души и готовы всячески отстаивать свои имущественныя права не только словомъ, но при случаѣ и дѣломъ. Не то

¹⁾ Codex Theodosianus V, lib. XII, tit I edit. Grottofredi. Ср. *Герм. Θεοδοσίη Ολταροζεακή*. Палестинск. монашество съ IV до VI в. Правосл. Пал. Сборн. т. XV, вып. 2. стр. 42 сл. СПб. 1896 г.

²⁾ *Гиббонъ*. Исторія упадка и разрушенія Римской имперіи. Перев. Невѣдомскаго. Т. III, стр. 90.

³⁾ *Св. Іоаннъ Златоустъ*. Слова и бесѣды. СПб. 1850 г. Т. III. стр. 77—78.

же ли самое право должно наблюдаться и здѣсь? Никто не отважится придти ни къ кому другому на квартиру, чтобы устроить у него тамъ больницы или богадѣльни не только безъ его вѣдома, но и вопреки всякому его желанію. Не то же ли самое должно быть и здѣсь? Да и какая цѣна вынужденному дару? И надолго ли его станетъ? Вѣдь никто насильно не будетъ работать на другихъ. Если же это такъ, то и источники новооткрытыхъ доходовъ прекратятся сами собой, а вмѣстѣ съ этимъ погибнутъ съ шумомъ и самыя больницы, богадѣльни, и больные, призрѣваемые должны будутъ опять находиться на улицѣ.

Можно встрѣтить въ литературѣ и иные проекты привлеченія иноковъ на служеніе современному обществу. Въ статьѣ „Жестокая дилемма“ мы читаемъ по этому вопросу слѣдующее. „Имѣетъ ли право человѣчество жить земною жизнью для славы Божіей и для собственнаго совершенствованія какъ въ духѣ, такъ и во плоти? Если получится отвѣтъ утвердительный, то дѣятельность всѣхъ, стоящихъ за семью, за плодородіе, за спокойствіе въ работѣ человѣческой будетъ благословенна. Если же нѣтъ, какъ то думаютъ аскеты и фарисеи, сами пожившіе достаточно и другимъ жить мѣшающіе, ну тогда и эти попытки сохранить жизнь человѣчества будутъ сочтены преступной ересью, но по счастью не на долго, потому что именно здѣсь борьба и торжество побѣдителей кончится тѣмъ скорѣе, чѣмъ самая побѣда будетъ законченной и совершенной. Уничтожьте плодородіе женщины, уничтожится актъ дѣторожденія. Не львамъ же и тиграмъ, которые явятся пожрать послѣднихъ праведниковъ аскетической догмы, праздновать ихъ нравственную побѣду? Я, принадлежа по духу и по совѣсти къ прозелитамъ г. Розанова, являясь глубоко убѣжденнымъ, что Богъ не хотѣлъ создавать что бы то ни было безнравственное, а тѣмъ болѣе повелѣвая человѣку множиться и плодиться, не могу не напомнить о томъ тѣмъ страннымъ людямъ, которые, обязанные сами жизнью честной матери, являются острыми врагами жизни и сокращаютъ человѣческое плодородіе въ интересахъ хищныхъ животныхъ на землѣ. Я думаю, что часъ суда надъ ними Великой Любви и Безмѣрнаго Милосердія, просіявшаго намъ съ креста Голгофы, Всемогушій можетъ избрать ежеминутно, не ожи-

дая пожранія хищными послѣдняго человѣка. Это тайна, намъ не открытая, но обѣщанная. А потому, пока въ насъ дрожатъ жизненные силы, пока мы цѣпляемся за жизнь и дорожимъ ею, мы не имѣемъ права сознательно уступать хоть бы пядь жизни торжеству смерти, которое и кроется во всякихъ скопческихъ и иныхъ аскетическихъ ученіяхъ. Земля скрываетъ и поглощаетъ жертву смерти, бездушный трупъ, но чрезъ женщину жизни возвращается умершій въ видѣ сильнаго и здороваго младенца и пока послѣднее торжество жизни больше количественно и качественно жертвѣ смерти, до тѣхъ поръ, конечно, если увеличивается численно христіанское населеніе земли, и великая догма любви, мира и всепрощенія несомнѣнно является также торжествующею. Но надо, чтобы живущіе были здоровы, были мужественны и смѣло смотрѣли въ лицо неизбѣжной смерти, зная, что жизнь попираетъ смерть смертью же. Изъ мертваго родится лучшее живое и потому тотъ, кто неплодороденъ, тотъ, кто не оставляетъ послѣ себя потомства здороваго, грабитъ жизнь, какъ нечестный гражданинъ своего государства, нечестный членъ своего отечества. И потому тотъ, кто стоитъ за честную и здоровую семью, тотъ стоитъ и за дѣло жизни, за дѣло, выше котораго нѣтъ, не было и не будетъ на грѣшной землѣ“.

Итакъ, „праведники аскетической догмы“ представляютъ собою ни больше меньше, какъ только „враговъ жизни“, „которые сокращаютъ человѣческое плодородіе въ интересахъ хищныхъ животныхъ“. Изъ нихъ „каждый грабитъ жизнь, какъ нечестный гражданинъ своего государства, какъ нечестный членъ своего отечества“. Надъ этими праведниками „ежеминутно“ Господь можетъ совершить свой страшный судъ“, не ожидая пожранія хищниками послѣдняго человѣка“..., потому что здоровая, честная семья такое дѣло, „выше котораго нѣтъ, не было и не будетъ на грѣшной землѣ“. Авторъ этой замѣтки въ пылу полемики, очевидно, даже не замѣчаетъ того, что проповѣдь о честной семейной жизни прежде всего нужно бы обратить не къ инокамъ, а къ тѣмъ сотнямъ тысячъ свѣтскихъ людей, которые не только не живутъ семейною жизнью, но даже и не хотятъ ею жить.

1) А—та. „Жестокая дилемма“ Новое Время 1899 г. № 8550.

Иноки, несущіе обѣтъ цѣломудрія или, по словамъ автора, грабящіе жизнь, какъ нечестные граждане своего государства, вѣдь только капля въ морѣ въ сравненіи съ тѣми, которые должны ее не грабить, имѣютъ на это полное право и даже заповѣдь отъ Бога и всетаки продолжаютъ ее грабить... И по мысли этого автора, очевидно, институтъ монашества въ томъ видѣ, какъ онъ существуетъ сейчасъ, совершенно лишній институтъ. Стѣны монастырскія должны быть разрушены, и иноки должны быть выведены за нихъ и приобщены къ участию въ жизни.

Не хочу говорить о цѣломъ рядѣ подобныхъ статей, въ которыхъ старательно доказывалось, что коренной обѣтъ монашескій—обѣтъ дѣвства,—не выдерживаетъ никакой критики. Вотъ нѣсколько самыхъ краткихъ отрывковъ изъ этой весьма интересной полемики по вопросу о дѣвствѣ. Тогда писали: „дѣвство мнѣ представляется неоспоримымъ, рѣшительнымъ грѣхомъ“, „доктрина дѣвства заканчивается морельщиками“, „аскетизмъ—духовное жонглерство“ и проч. ¹⁾ Говорили, что обѣтъ дѣвства нехристіанскаго даже происхожденія. Наше монашество связывали съ монашествомъ далекой Индіи, съ монашествомъ Буддизма и проч. ²⁾ Подобныя взгляды на монашество проводилъ даже какой-то протоіерей А. У-скій, дѣйствительно или мифически существующій. Выводъ изъ всѣхъ подобныхъ разсужденій ясенъ: монастыри нужно уничтожить, какъ нѣчто совершенно отсталое отъ жизни, или просто, какъ скопище грѣха. Да вѣдь, наконецъ, и не съ женами же жить и спастись въ монастырѣ нашимъ инокамъ?

До сихъ поръ я говорилъ только о тѣхъ запросахъ, какіе предъявляются инокамъ устно и печатно, людьми, желающими привлечь ихъ къ служенію ближнему. Но все ли я сказалъ въ данномъ случаѣ? Конечно, нѣтъ. А современная жизнь почти всѣмъ своимъ строемъ развѣ не кричитъ, такъ сказать, о самой неотложной, настоятельной, скорой помощи, откуда бы она ни шла? Достаточно хотя только немного подняться надъ жизнью и посмотреть на нее съ нѣкотораго отдаленія, чтобы видѣть и понять все это.

¹⁾ См. „Русскій Трудъ“ №№ 24. 30. 32 и др. „Гражданинъ“ № 88 и др.

²⁾ См. „Русскій Трудъ“. №№ 24. 30. 32 и др. „Гражданинъ“ № 88 и др.

60-е годы прошли... Было время, когда во имя науки усиленно отрицали Бога, храмы и наше служеніе. Было время, отчасти и нынѣ еще оно есть, когда хотѣли и хотятъ на мѣсто престола Божія воздвигнуть престолы науки и знанія, имъ однимъ служить, ими одними только управляться въ своей жизни, на нихъ однихъ только созидать всю свою жизнь. Благоразумные люди и тогда имъ говорили, что не построить зданія жизни на однихъ этихъ началахъ. Но имъ не вѣрили. Не вѣрили даже расположенные къ этимъ людямъ. Хотѣлось провѣрить себя, хотѣлось сдѣлать попытку построить зданіе жизни на этихъ новыхъ разумныхъ началахъ. Наша литература скоро переполнилась подобнаго рода планами и проектами. Успѣли, кажется, преклониться предъ всѣми учеными мужами Запада всякихъ направленій... Прошло съ того времени болѣе 40 годовъ опыта. И вотъ результаты отчасти этого опыта: паденіе авторитета, отрицаніе власти, паденіе семьи, размолвка дѣтей съ родителями, смятенія особенно среди молодежи, убійства и самоубійства, „босяцкая философія“, развитіе сектантства особенно среди интеллигентныхъ, язычество въ школь и въ жизни, погрязаніе во всякаго рода порокахъ, тоска, недовольство жизнью и окружающей обстановкой, утрата смысла жизни и полное блужданіе по распутіямъ міра, неумѣніе перенести съ мужествомъ и малое страданіе въ своей жизни, проповѣдь о насилиі, огнѣ, мечѣ.... Впрочемъ, къ чему это все я говорю? Картина недуговъ жизни у насъ у всѣхъ предъ глазами. Каждый самъ прекрасно знаетъ ея недостатки и недостатки. Вотъ чему научилъ насъ этотъ опытъ блужданій среди свѣта одной только науки и притомъ одной только человѣческой морали...

Теперь, повидимому, по крайней мѣрѣ для многихъ, кончены всякіе опыты. Въ настоящіе дни многіе всѣми фибрами своей души уже сознаютъ, что безъ Христа и Церкви не устроить имъ ни семейной, ни частной, ни общественной жизни. Среди всевозможныхъ авторитетовъ, какими такъ полна жизнь и литература, нуженъ еще высшій авторитетъ—Христось. Что бы они ни клали въ фундаментъ этого громадскаго зданія, оно все рассыпается и будетъ рассыпаться у нихъ, потому что можетъ быть только построено, „наздано“ на одномъ камени, на одной незыблемой скалѣ, на

ученіи Христа Спасителя. Здѣсь—смыслъ жизни, здѣсь всѣ жизненные наши устои. Вѣдь намъ, а не кому-либо другому теперь говорятъ: „наступаетъ для Церкви время показать, что въ ней заключается не одинъ загробный идеаль, наступаетъ время открыть правду въ ней и о землѣ, ученіе и проповѣдь объ общественномъ спасеніи, о христіанскомъ государствѣ и призваніи свѣтской власти, о богосыновствѣ во властеносительствѣ, о Царствѣ Божиѣмъ на землѣ и т. д.“¹⁾ Мы живемъ въ „поворотное время“. Довольно „аерапонтовщины“, теперешняго историческаго христіанства“²⁾.

Видя эти массы народа, отъ великаго сановника до послѣдняго простолюдина, устремляющимися къ святынямъ монастырей, какъ хочется сказать:

— Иноки, не теряйте времени, не опускайте удобнаго момента. Творите свое дѣло, пока еще не поздно. Придетъ вѣдь время, когда насъ не будутъ и слушать. Благовѣствуйте законы Христовы, говорите о Христѣ Спасителѣ день и ночь. Идите съ этой проповѣдью ко всѣмъ труждающимся и обремененнымъ, скорбящимъ. Идите къ отцамъ, матерямъ, дѣтямъ, идите къ богачамъ и великимъ вельможамъ. Идите къ простому народу. Идите къ юношамъ мятущимся... Скажите всѣмъ, гдѣ отрада, гдѣ истина, путь и животь.

Какъ мы мало знаемъ, какими великими духовными богатствами располагаемъ и какъ еще сильны мы. Въ даинную минуту мнѣ невольно припоминается слѣдующій замѣчательный отзывъ о нашихъ монастыряхъ одного поляка ксендза. Глядя на одинъ изъ большихъ нашихъ монастырей, онъ говорилъ:

— Если бы намъ эти лавры и соборы, то мы взяли бы всю вашу Русь и увели бы ее, какъ Моисей Израиля, куда бы только захотѣли. Мы бы унесли ее на небо, какъ на орлиныхъ крыльяхъ, а вы сидите, сложа руки, какъ сидѣли прежде, и будете сидѣть, пока штунда и расколъ не обереть отъ васъ до послѣдняго человѣка³⁾...

Таковы запросы жизни. Чѣмъ же и какъ мы отвѣчаемъ на нихъ?

Въ настоящее время, кажется, замѣчается въ монастырской

1) *Тернавцевъ*. Миссіон. Обзор. 1902 г. мѣс. Окт. Стр. 385.

2) Тамъ же. Стр. 391 сл.

3) *Еп. Антоній*. Полное собраніе сочиненій Т. II, стр. 415. Казань 1900 г.

жизни поворотъ къ лучшему. Нѣкоторые уже давно стараются выдти за высокія монастырскія бѣлыя стѣны и оказать какою-либо помощь міру. При монастыряхъ устраиваются школы, пріюты, богадѣльни, страннопріимные дома и т. п. Возникають Божіи обители, которыя ставятъ себѣ цѣлю служеніе не только Богу, но и ближнему. Вотъ чудная картина жизни двухъ такихъ монастырей, начертанная очевидно умѣлой рукой. Монастыри пріютились въ Западной нашей окраинѣ.

„На поприщѣ мирнаго завоеванія края, пишетъ авторъ, усиленно работаютъ многія русскія силы, но едва ли не главный трудъ несутъ двѣ женскія обители—въ Лѣснѣ и Вировѣ. При видѣ ихъ тяжкаго искуса невольно возникаетъ сомнѣніе, выдержатъ ли слабыя женщины принятый ими на себя тяжелый подвигъ, и, только лично всмотрѣвшись въ ихъ дѣятельность, можно сказать, что смиренныя сестры и матери обѣихъ обителей являютъ наглядное доказательство, что въ современномъ русскомъ обществѣ еще не погасла искра Божія, не померкла всепобѣждающая любовь къ страждущему тѣломъ и нищему духомъ.

Подъѣзжая въ Лѣснѣ отъ г. Бѣла по грунтовой дорогѣ, прежде всего поражаешься отсутствіемъ всякой ограды. Красивая церковь, напоминающая церковь Смольнаго монастыря въ Петербургѣ, только меньшаго объема, заслонила собою нѣсколько низенькихъ, точно въ землю вросших домиковъ, хотя и двухъэтажныхъ. Внутри храмъ поражаетъ своимъ блескомъ: на каждомъ шагу видна заботливая рука преданныхъ Богу монахинь... Монастырь устроенъ здѣсь по мысли Варшавскаго архіепископа Леонтія. Первою настоятельницею его была назначена и понынѣ здравствующая игуменія Екатерина, въ мѣрѣ графиня Евгенія Борисовна Ефимовская.

Прекрасно образованная, съ дѣтства привыкшая къ велико-свѣтской жизни, мать Екатерина, въ сопровожденіи нѣсколькихъ инокинь, пріѣхала въ 1885 году въ Лѣснѣ, и съ перваго дня по настоящій часъ безостановочно идетъ освященная молитвой трудовая жизнь молодой общины. Что достигнуто ею за истекшія 16 лѣтъ, могутъ свидѣтельствовать довольно многіе, вникающіе въ сущность дѣла, но что вытерпѣли и еще терпятъ монахини, могли бы разказать только

онѣ сами, если бы забвеніе о себѣ и своихъ житейскихъ невзгодахъ не налагало на ихъ уста печати молчанія. Всегда спокойныя, съ яснымъ взглядомъ чистой совѣсти, подобно пчеламъ трудолюбивыя, Лѣснинскія инокини, по мѣрѣ возможности, стремятся подражать своей матушкѣ. Онѣ всѣ составляютъ одну дружную семью, которая растетъ съ каждымъ годомъ, развѣтвляясь по всей округѣ и любовью привязывая къ себѣ ожесточенныя сердца окрестнаго населенія. Трехвѣковое пребываніе въ уни, подѣ влияніемъ, стремившагося окатоличить и ополячить паству, духовенства и пановъ, сказывается еще и въ наши дни. Вокругъ Лѣсны цѣлыя села такъ называемыхъ упорствующихъ униатовъ, не желающихъ признавать православія: они или тайно посѣщаютъ костелы, или вовсе обходятся безъ всякихъ церковныхъ обрядовъ; они не вѣнчаются, не крестятъ своихъ дѣтей, сами хоронятъ мертвыхъ; съ ненавистью и глухимъ ожесточеніемъ смотрятъ они на православныя церкви и ея служителей, не поддаваясь ни на какія увѣщанія. Такъ же точно они встрѣтили и новыхъ пришелицъ; но проходить годъ за годомъ, и постепенно отношенія мѣняются; любовь къ ближнему, въ особенности же ко всякому страждущему, къ дѣтямъ, которая наполняетъ всю душу матери Екатерины и ея подвижницъ, заставила растаять ожесточенныя сердца. Сначала монахини не могли безопасно проходить по ближайшему селу, нерѣдко въ нихъ летѣли камни, а о насмѣшкахъ и брани нечего и говорить. Теперь всѣ, даже главари упорствующихъ благоговѣнно смотрятъ на пришедшую къ больному монахиню. Зайти за помощью въ монастырь, даже услужить ему уже не считается зазорнымъ. Постепенно эти люди возвращаются къ человѣческой жизни изъ почти звѣрскаго бытія. И заслуга въ этомъ во многомъ принадлежитъ матери Екатерины, ея высокому уму, великому сердцу и неисчерпаемой любви.

Пріѣхавъ въ Лѣсну въ глухую осень, она нашла полуобитаемый домикъ для себя и привезенныхъ сестеръ. Съ присущею энергіею, она немедленно принялась за тяжелый трудъ, устроивая кровъ и доставая пропитаніе себѣ и чуть ли не въ день пріѣзда взятымъ сиротамъ. Трудные были дни. Приходилось коченѣть отъ холода, не добѣдать отъ недостатка пищи, община ничего не имѣла своего: ни земель-

ныхъ угодій, ни капиталовъ. Все доставляла неоскудѣвающая рука далекихъ жертвователей, но какъ часто помощь заставляла себя ждать! Терпѣть нужду и стѣсненіе Лѣвнинскія инокини и теперь. Не смотря на все это, община разрослась до 150 сестеръ, а вмѣстѣ съ тѣмъ разрослась и благотворительная дѣятельность монастыря. Теперь я насчиталъ въ обители 350 дѣтей, начиная отъ полугодовыхъ, которыхъ кормятъ съ рожка. Это все круглыя сироты, дѣти безъ матерей или отцовъ, или взяты изъ наиболѣе бѣдныхъ семей. Дѣтей приносятъ издалека, изъ сосѣднихъ даже губерній, и матери спокойно оставляютъ ребятъ на попеченіе монахинь, хорошо зная, что вмѣсто одной родной матери, ребенокъ приобретаетъ ихъ десятки, одинаково любящихъ и самоотверженныхъ. Въ послѣдніе годы монастырь предложилъ пріютъ для незаконнорожденныхъ православныхъ дѣтей изъ Варшавскаго воспитательнаго дома.

За уходъ, прокормъ, обученіе дѣтей монастырь не беретъ ничего. Всѣ 350 дѣтей воспитываются даромъ. Самыя маленькія—вмѣстѣ, но потомъ мальчики отдѣляются и живутъ въ особомъ пріютѣ, версты за двѣ отъ монастыря, приходя сюда только на церковныя службы и на нѣкоторыя работы. Чтобы дать понятіе, что можетъ стоить содержаніе этой дѣтской толпы, достаточно сказать, что одной обуви идетъ на 1000 рублей ежегодно; а лѣтомъ дѣти еще ходятъ босикомъ.

Кажется, не можетъ быть зрѣлища болѣе красиваго, какъ играющая на лужайкѣ толпа маленькихъ дѣтишекъ, не старше 4—6 лѣтъ, иныхъ степенно взявшихся за руки, а другихъ, въ разсыпную спотыкающихся и цѣпляющихся за сопровождающихъ ихъ нѣсколькихъ сестеръ. Здоровыя, веселыя личики, смѣло смотрящіе на васъ глазки, полное отсутствіе дикости и забитости, и притомъ послушаніе и порядокъ—вотъ лучшее свидѣтельство окружающихъ дѣтей ласки и любви. Въ нѣсколькихъ комнатахъ устроены ясли для еще меньшихъ, и какъ ни проста обстановка комнатъ, сердцемъ радуешься за этихъ сиротъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ невольно пожалѣешь о тѣхъ дѣтяхъ, которыя среди грязи и побоевъ влачатъ свои дни въ обычной деревенской обстановкѣ. Съ большою грустью приходится матери Екатеринѣ отказывать въ пріемѣ многимъ желающимъ. Во всякое время открыты двери только сиротамъ. А остальныхъ негдѣ помѣстить, не-

чѣмъ прокормить. О себѣ сестры не думаютъ, онѣ готовы трудиться еще больше, до полнаго изнеможенія, но страшный вопросъ питанія заставляетъ ихъ быть благоразумными. вопреки сердцу. Я бывалъ на дѣтской трапезѣ и на монашеской и могу сказать, что досыта ѣдятъ только дѣти. Сама мать Екатерина ничѣмъ не отличается отъ рядовыхъ монахинь, развѣ только еще работаетъ больше, да заботъ у нея также больше.

Въ Лѣснѣ теперь заканчивается постройкой большой каменный флигель, въ которомъ будутъ жить дѣти, а сестры по прежнему останутся въ старенькихъ домикахъ. Правда, будетъ посвободнѣе, а то нынѣ многимъ изъ нихъ приходится спать въ трапезной, въ корридорѣ. Но и ожидаемый просторъ будетъ кратковремененъ: по всей вѣроятности, какъ только нынѣшнихъ дѣтей переведутъ въ новое зданіе, мать Екатерина начнетъ увеличивать пріемъ и опять кончить тѣмъ, что сама останется безъ собственной кельи. Было бы лишь чѣмъ накормить новыхъ дѣтей. Это ежедневный, насущный вопросъ монастыря. Хлѣба, хлѣба! и въ этомъ надо помочь, такъ такъ хлѣбъ идетъ на дѣтей... Дѣти, подростая приносятъ уже нѣкоторую пользу. Такъ мальчики учатся ремесламъ: сапожному, столярному, кузнечному и слесарному; они дѣлаютъ на монастырь всѣ мелкія работы и немало этимъ гордятся. Дѣвочки шьютъ, ткутъ и исполняютъ всѣ дневныя работы; старшія присматриваютъ за маленькими. Обученіе грамотѣ обязательно. Нечего и говорить, что все воспитаніе ведется на религіозной основѣ. Лѣтомъ дѣти отпускаются, по желанію, къ роднымъ, чѣмъ сохраняется связь съ семьей и мѣстнымъ населеніемъ. Дома, у себя, дѣти являются прекрасными проповѣдниками внушенныхъ имъ истинъ и знаній, и слава обители, и ея вліяніе растутъ и крѣпнутъ. По окончаніи образованія, дѣвочки могутъ оставаться въ обители, нѣкоторыхъ влечетъ будущее иночество, но большинство идетъ въ міръ, выходитъ замужъ, дѣлаясь примѣрными женами и матерями. Многія поступаютъ въ народныя учительницы, такъ какъ монастырская школа даетъ на это право. Этимъ путемъ сѣтъ раскидывается все дальше и дальше... Бывшія питомицы сохраняютъ живѣйшую связь съ монастыремъ, ведутъ переписку, стараются лично посѣтить обитель. Если не ошибаюсь, два священника, состоящіе

при Лѣснинской церкви, женаты на бывшихъ воспитанникахъ матери Екатерины.

Два раза въ годъ, въ Троицу и 14 сентября, въ монастырь стекаются толпою богомольцы, иногда ихъ приходитъ до 20 и болѣе тысячъ. Эта тихая, религіозно-настроенная толпа располагается по всей монастырской усадьбѣ, нигдѣ не слышно ни крика, ни рѣзкаго слова, далеко только разносится молитвенная пѣснь этой толпы, немного монотонная, но такъ хорошо опредѣляющая внутренній укладъ бѣлорусса. Съ утра начинается исповѣдь. Для этой цѣли въ Лѣснѣ иногда съѣзжается болѣе 20 священниковъ. Около главнаго храма, вдоль одной изъ стѣнъ, сдѣланъ навѣсъ, служащій исповѣдальней. Сосредоточенно подходитъ богомольецъ, изливая духовному отцу свои сомнѣнія и грѣхи. Затѣмъ спокойно, безъ суеты и толкотни, идутъ исповѣдники къ причастію. По мысли игуменіи, устроена особая небольшая церковь. На высокому каменному фундаментѣ, служащемъ склепомъ, высится небольшая, бревенчатая церковь, съ сплошными окнами кругомъ. Въ ней помѣщаются только алтарь и небольшіе клироса для пѣвчихъ. Благодаря открытымъ окнамъ, служба видна всей снизу стоящей толпѣ и далеко слышится каждое слово священнослужителей. Когда выносятся Св. Дары, богомольцы попарно, одни за другими, поднимаются по небольшой лѣстницѣ и, принявъ причастіе, по другимъ боковымъ лѣсенкамъ отходятъ въ сторону, къ столамъ съ теплою и просфорами. Благодаря этому устройству, избѣгается всякая толкотня и суета. Пообѣдавъ принесенною съ собою пищею, странники расходятся по домамъ. Всѣ неизмученные получаютъ пищу отъ монастыря.

Въ праздничные дни приходитъ также много больныхъ. Въ Лѣснинскомъ монастырѣ прекрасная аптека и нѣсколько сестеръ хорошо знаютъ врачебное дѣло. Слава объ этомъ разнеслась далеко и нерѣдко привозятъ больныхъ изъ-за 20—30 верстъ. Случается, что на такое же разстояніе увозятъ и больничныхъ сестеръ. Между ними соблюдается очередь, но онѣ должны по первому требованію немедленно собираться въ путь. Надо отдать справедливость сестрамъ: онѣ съ такимъ трогательнымъ вниманіемъ относятся къ этому дѣлу, что во всемъ округѣ забываютъ про наличность врачей въ отстоящемъ на 12 верстъ г. Бѣлѣ. Врачебная

помощь—одно изъ лучшихъ миссіонерскихъ средствъ обители. Съ цѣлю удешевленія лекарствъ, всё они приготовляются домашними средствами, въ монастырскомъ саду разводятся нужныя лечебныя травы, въ свободное время собираются и дико растущія растенія.

По возможности все свое -- вотъ задача монастыря. Весною и лѣтомъ полнымъ ходомъ идутъ огородныя и полевая работы. Наемные работники дѣлаютъ лишь самую тяжелую, собственно мужскую работу: пахать и косятъ. Монахини все остальное дѣлаютъ сами, при усердной помощи дѣтей. Всякая работа на свѣжемъ воздухѣ — для дѣтей радость и забава. Я видѣлъ, какъ они шутя очистили поле отъ небольшихъ каменьевъ и каменистый клинъ обратили въ прекрасную пашню. Далѣе, дѣти занимаются засыпкою овражковъ около монастырскихъ зданій. Какъ муравьи носятся они, неся на самодѣльныхъ носилкахъ землю, и мало помалу изъ забавы получается дѣло...

Лѣснинская обитель, хотя существуетъ всего 16 лѣтъ, но уже успѣла сдѣлаться центромъ православія во всемъ Забужьи. Она служитъ какъ бы разсадникомъ другихъ обителей. Изъ нея выдѣляются новыя побѣги, сперва, какъ отдѣленія, потомъ образуемая въ самостоятельныя обители. Такова исторія Теолинскаго монастыря въ Августовскомъ уѣздѣ, Вировскаго -- въ Соколовскомъ, Радечницкаго -- на югѣ Люблинской губерніи. Во всё эти монастыри были назначены настоятельницы изъ ближайшихъ помощницъ матери Екатерины, ея дочери по духу, ею благословенныя на тяжелый, отвѣтственный искусь. Берутъ настоятельницъ и изъ сосѣднія епархіи. Въ новыя обители переходить часть Лѣснинскихъ сестеръ, составляя основныя ячейки новой общины, а вокругъ нихъ, а также на мѣсто уѣхавшихъ, являются новыя смиренныя труженицы, горящія рвеніемъ служенія Богу и ближнему. Составъ сестеръ самый разнообразный. Для всякихъ способностей найдется своя работа, свой подвигъ, но особенно цѣнятся въ Лѣснѣ помощъ интеллигентныхъ дѣвушекъ, могущихъ нести главную службу: обученіе дѣтей. Чтобы научить грамотѣ 350 дѣтей и подготовить наиболѣе способныхъ къ учительской дѣятельности, требуются немалыя знанія. Жизнь всѣхъ сестеръ одинакова, и развѣ только изъ бесѣды можно видѣть, что

та или другая сестра кончила институтъ или прошла педагогическіе или иные курсы.

Сказаннаго достаточно, чтобы обрисовать дѣятельность этой обители хоть общими чертами. Она не только носительница православія въ полурусской окраинѣ, но и носительница русской идеи, и русскаго языка...

Перейдемъ теперь къ другому монастырю—Вировскому.

Вировскій монастырь, это плоть отъ плоти, кость отъ кости Лѣсницкой обители. Въ немъ тотъ же духъ, тотъ же строй... Вировскій монастырь еще недавно имѣлъ всего одну десятину усадебной земли, на которой помѣщалось все: церковь, школы, пріюты, дѣтскія мастерскія, домъ священника, садикъ, огородъ. Не было только мѣста для самихъ монахинь. Днемъ онѣ работали отъ зари до зари, а ночь размѣщались, гдѣ и какъ приходилось. Послѣ долгихъ хлопотъ монастырю удалось купить еще пять десятинъ земли у окрестнаго помѣщика, который не хотѣлъ содѣйствовать расширенію православнаго монастыря.

Все, что сдѣлано въ Вировѣ—дѣло трудовъ матери Анны. ...Ей не было 30 лѣтъ, когда она, сопутствуемая нѣсколькими сестрами и послушницами, пріѣхала въ Вировѣ. На первое время новая община нашла себѣ пріютъ въ единственно покрытомъ крышею зданіи около церкви. Это былъ сарай прежняго католическаго причта. Послѣ того началась тяжелая, полная испытанія жизнь, какъ и въ Лѣснѣ. Ждать оттуда помощи было нельзя: голодный не можетъ накормить голоднаго, а въ Лѣснѣ столько было маленькихъ ротъ, что тамошнимъ сестрамъ часто и самимъ не оставалось ничего. Но несокрушимая вѣра у матери Анны, вѣра въ неизбежность помощи оправдалась... Теперь въ Вировѣ уже около 140 монахинь, сестеръ и послушницъ и 320 дѣтей. Внутренній строй жизни почти одинаковый, разница въ нѣкоторыхъ отрасляхъ дѣятельности объясняется мѣстными условіями. Вслѣдствіе отдаленности города здѣсь шире поставилось призрѣніе больныхъ и старыхъ. Въ монастырской богадѣльнѣ нашли пріютъ 30 стариковъ и старухъ, калѣкъ или совершенно уже дряхлыхъ. Пріютъ и помощь, уходъ и ласку добрыя сестры раздаютъ щедрою рукою, не разбирая вѣроисповѣданія, и среди нашедшихъ себѣ тихое пристанище есть нѣсколько католиковъ. Честь и слава для мона-

стыря — широкая вѣротерпимость, помощь ближнему, не спрашивая, какъ кто крестится. Въ Лѣснѣ и Вировѣ можно видѣть дѣтей отъ католическихъ родителей, которыхъ эти родители сами просили присоединить къ православію, чтобы еще тѣснѣе сблизить ихъ съ пріютившимъ монастыремъ.

Какъ и въ Лѣснѣ, Вировскія инокини натолкнулись на самый враждебный пріемъ съ стороны упорствующаго въ униі населенія. Съ большимъ трудомъ удалось имъ преодолѣть эту неприязнь. Онѣ не жалѣли ни усилій, ни средствъ и часто отдавали неимущему недругу свой послѣдній кусокъ. Большое содѣйствіе оказала врачебная помощь. Отдаленность города заставила всѣхъ больныхъ идти въ монастырь, и въ 1900 году было 20,127 амбулаторныхъ больныхъ, т. е. въ среднемъ по 50 — 60 человекъ въ день, не считая больныхъ въ монастырской больницѣ и среди членовъ самой общины. Каждый больной получаетъ бесплатно лекарство. Нѣкоторыя дѣлаютъ пожертвованія обыкновенными вещами — пряжей, тканью. ... Въ Вировѣ такъ же, какъ и въ Лѣснѣ, существуетъ объѣздъ сестеръ по больнымъ, какъ только за ними присылаютъ. Не рѣдко попадая въ самый очагъ упорствующихъ, монахини съ удовольствіемъ замѣчаютъ, какъ измѣнилось по отношенію къ нимъ настроеніе мѣстнаго населенія. Не слышно болѣе ни проклятій, ни насмѣшекъ. Сестеръ встрѣчаютъ еще сдержанно, почти холодно, но никто не запрещаетъ дѣтямъ подойти къ монахинѣ, даже взять отъ нея образокъ или крестикъ. Въ домѣ больного для инокини пріемъ радушный со стороны всей семьи, и надо очень высоко цѣнить эти плоды, если знать, что четверть вѣка тому назадъ никто изъ этого дома не переступаетъ церковной ограды, что четверть вѣка изъ устъ въ уста передается ненависть къ православному храму.

Матеріальныя средства обители весьма скудны. Она получаетъ небольшое штатное пособіе на содержаніе изъ синодальныхъ суммъ, имѣетъ небольшой земельный надѣлъ, отведенный казной. Но все это — крохи въ сравненіи съ потребностями. Каждому, знающему жизнь, нетрудно самому подсчитать, что можетъ стоить содержаніе 320 дѣтей, 30 человекъ въ богадѣльнѣ, 140 сестеръ и нѣсколькихъ необходимыхъ рабочихъ. Нужно ежедневно накормить 500 человекъ, ихъ одѣть. Кромѣ того, монастырь растетъ, число дѣ-

тей увеличивается, отказывать въ приемъ такъ тяжело и такъ противорѣчить всѣмъ стремленіямъ Лѣснинскихъ и Вировскихъ монахинь. Я думаю, что это ихъ главный искусь, что будь у нихъ неограниченныя средства, онѣ взяли бы всѣхъ дѣтей околodka, чтобы воспитать ихъ въ доброй нравственности и сдѣлать хорошими людьми. Въ прошломъ году матери Аннѣ удалось собрать нѣсколько пожертвованій покрупнѣе и построить хорошей каменный домъ для женской школы и пріюта. Освободившіяся старыя помѣщенія были заняты новыми маленькими припелъцами. Въ этомъ году строится еще одно новое зданіе съ зимнею церковью, сначала предназначенное для сестеръ, но теперь уже получившее иное назначеніе—служить дѣтскимъ пріютомъ. А сестры какъ-нибудь проживутъ, вѣдь жили же до сихъ поръ! Такое полное забвеніе о себѣ вселяетъ въ монахиняхъ своимъ примѣромъ мать Анна. Въ ея настоятельской кельѣ троимъ негдѣ помѣститься. О томъ, какъ сестры кормятся, лучше и не говорить: лишь бы дѣти были сыты, а онѣ. Богъ дастъ, проживутъ и на одномъ хлѣбѣ. Верстахъ въ трехъ отъ Вирова имѣется село Моложево, въ которомъ помѣщается пріютъ-школа для мальчиковъ съ нѣсколькими ремесленными отдѣленіями. Дѣти пріучаются къ трудовой, честной жизни, ихъ учатъ не только умѣть зарабатывать кусокъ хлѣба себѣ и будущей семьѣ, но учатъ также любить другъ друга, быть хорошими слугами Царю. Черезъ нихъ начинаютъ проникать въ населеніе сѣмена истины и давать первые ростки...

Не довольствуясь сношеніями съ семьями черезъ взятыхъ дѣтей, мать Анна отдаетъ сиротъ, по преимуществу дѣвочекъ постарше, въ крестьянскія семьи окрестныхъ деревень, въ помощь на лѣтніе мѣсяцы. За это монастырь не выручаетъ никакихъ денежныхъ выгодъ. Строго говоря, это даже лишняя обуза, такъ какъ нужно тщательно слѣдить, чтобы монастырскихъ добровольныхъ батрачекъ не притѣсняли, не обижали. Въ такіе дома на будущій годъ дѣтей уже не отдадутъ и ихъ непременно берутъ обратно. Дѣвочки-сироты такимъ образомъ не отвыкаютъ отъ своей крестьянской жизни, не чуждаются того обихода, среди котораго большинству изъ нихъ суждено скоротать вѣкъ. А монастырь пожинаетъ новые нравственные лавры. Дѣвочки,

няньчась съ хозяйскими дѣтьми, учать ихъ познанію Бога, познанію добра и зла. Отъ ежечаснаго обращенія со взрослыми, дѣтскія слова западаютъ и въ души ожесточенныхъ родителей, колебля ихъ безпочвенное упорство. Съ наступленіемъ весны у матери Анны отбою нѣтъ отъ просящихъ на лѣто, на всю страду, помощницъ. И жаль отпускать ихъ на трудную работу, но сознаніе пользы для самихъ дѣтей и для тѣхъ, кому они отдаются, беретъ верхъ надъ чувствомъ жалости. Дѣвочки-подростки охотно берутся за трудное дѣло, точно сознавая, что своею жизнью среди чужихъ людей онѣ оплачиваютъ вскормившей ихъ обители. Поведеніе ихъ безупречно и разница между ними и дѣтьми, небывшими въ монастырѣ, вызываетъ въ населеніи добрыя чувства къ монахинямъ.

Цѣль обоихъ монастырей не въ томъ, чтобы уйти отъ жизни, замкнуться отъ нея высокой стѣной. Этой стѣны нѣтъ у нихъ въ видѣ даже обыкновенной ограды. Обѣ обители ставятъ себѣ главною задачей... служеніе ближнему... Основа всей монастырской жизни братство. Всѣ въ монастырѣ говорятъ другъ другу на „ты“. Наружной показной дисциплины нѣтъ. Но внутреннее, сердечное послушаніе встрѣчаешь на каждомъ шагу. Въ прошломъ году монастырю отвели казенный участокъ лѣса въ Гродненской губерніи и тамъ также найдеть себѣ мѣсто отголосокъ обительской жизни. Въ небольшомъ домѣ бывшаго лѣсничества, по мысли матери Анны, устроивается нѣчто въ родѣ санаторіи для слабогрудыхъ монахинь и требующихъ леченія чахоточныхъ дѣтей. Но не пройдетъ, вѣроятно, и двухъ-трехъ лѣтъ, какъ въ эту лечебницу станутъ стекаться міряне, и никогда ни одной монахинѣ не западетъ въ голову мысль, что вмѣсто леченія и отдыха, имъ придется опять служить страждущему.

Любопытно, ни тотъ, ни другой монастырь не имѣютъ ни сборщицъ, ни подворій. Они живутъ только тѣмъ, что имъ пришлютъ, да что удастся заработать своимъ собственнымъ трудомъ. Ни одинъ присланный рубль не идетъ тамъ на усладу инокинъ, а только на сиротъ-дѣтей. О жалованіи же инокинямъ и нечего говорить. Его тамъ вовсе нѣтъ ¹⁾.

¹⁾ Црк. Вѣдом. 1902 г. № 11 стр. 386 сл.

Есть у насъ теперь обители, ставящiе цѣлю служенiе ближнему на миссионерскомъ поприщѣ. Не особенно давно въ Москвѣ много говорили и писали объ организаціи тамъ миссионерскаго монастыря. Этой мысли весьма сочувствовалъ и покойный владыка-митрополитъ Московскiй Сергiй, который, какъ всеѣмъ извѣстно, былъ весьма строгимъ монахомъ и отличался высотой своей монашеской жизни. Этой мыслью былъ занятъ и м. Филаретъ. Мысль, не нашедшая осуществленiя въ Москвѣ, была осуществлена въ Казани. Тамъ теперь открытъ монастырь, специальная задача котораго — подготовленiе миссионеровъ для служенiя среди нашего инородческаго населенiя. Въ Уставѣ миссионерскихъ курсовъ, рассмотрѣнномъ и одобренномъ Св. Синодомъ и утвержденномъ Государемъ, мы читаемъ: „учрежденные при Казанской духовной академіи миссионерскіе курсы имѣютъ цѣлю доставлять научно-практическую подготовку для дѣятелей противъ магометанства и язычества“ (§ 1). Миссионерскіе курсы помѣщаются въ Спасо-Преображенскомъ монастырѣ г. Казани, который посему отнынѣ именуется „Миссионерскимъ Спасо-Преображенскимъ монастыремъ“ (§ 2). Далѣе Уставъ опредѣляетъ весь бытъ учащагося въ этомъ монастырѣ, отъ самаго поступленiя въ монастырь до выступленiя его на службу въ качествѣ благовѣстника ученiя Христова, среди невѣдающихъ этого ученiя. Жизнь курсантовъ, облеченныхъ въ духовную одежду, исполняющихъ въ монастырѣ различныя послушанiя, посѣщающихъ неопустительно церковныя службы, весьма интересна и поучительна для многихъ. Воскресныя, наприм., всенощныя тамъ продолжаты съ 6 до 11 и болѣе часовъ. Глубочайшее вниманiе народа къ этой обители служить яснѣйшимъ признакомъ того, что она не напрасно существуетъ. Монастырь, прежде едва влачившiй свое существованiе, теперь постоянно обновляется, обстраивается на добровольныя жертвы его постоянныхъ многочисленныхъ богомольцевъ ¹⁾).

Въ Новгородской губерніи устраивается другой миссионерскiй монастырь, въ которомъ будутъ приготавливаться люди для борьбы съ сектантствомъ и расколомъ. Монастырь устро-

¹⁾ Церк. Вѣдом. 1899 г. № 28 стр. 242 слл. Ср. 1898 г. № 20 стр. 189 слл. 1897 г. № 4. Стр. 26 сл. и мн. др.

яется извѣстнымъ противосектантскимъ синодальнымъ миссіонеромъ іером. Арсеніемъ, объѣхавшимъ съ словомъ защиты св. церкви почти всю Россію.

Говоря о служеніи иноковъ ближнимъ, нельзя не остановиться на институтѣ, такъ называемаго, ученаго монашества. Что оно собою представляетъ?

По этому вопросу высказано мнѣніе еще въ 1889 г. однимъ весьма ученымъ инокомъ, который занимаетъ теперь видное положеніе въ ряду современныхъ іерарховъ. Этотъ авторъ положительно утверждалъ, что монашество вполне совмѣстимо съ общественною дѣятельностью, съ служеніемъ ближнимъ. Онъ утверждалъ это и на тотъ случай, если бы „точное соблюденіе всѣхъ внѣшнихъ предписаній общежительныхъ уставовъ было несомѣстимо съ пастырско-педагогическою дѣятельностью ученаго монашества“. Авторъ разсматриваемой статьи писалъ. „Уставы, т. е. регламентировка монашеской жизни и быта, касаются только киновій и скитовъ: всѣ прочіе виды монашества существовали безъ нихъ. Даже болѣе: теперешній обѣтъ пребывать въ монашествѣ и даже въ томъ же монастырѣ до смерти явился въ послѣдствіи, а прежде пустынножителство принималось и на время. Но скажутъ, тѣ виды монашества имѣютъ традицію въ лицѣ великихъ угодниковъ; а имѣетъ ли ее пастырская дѣятельность монаховъ? Имѣетъ въ лицѣ древнихъ святителей вселенскихъ, которые не считали измѣной для своего подвига жизни выходить изъ пустыни на патріаршіе престолы; имѣетъ и въ лицѣ святителей новѣйшихъ, которые, принимая монашество по окончаніи курса богословскихъ наукъ, несомнѣнно шли прямо на подвигъ пастырства въ чинѣ иноческомъ и, готовясь одинаково къ тому и другому, тѣмъ самымъ исповѣдали свою вѣру въ ихъ полную совмѣстимость; таковы свв. Димитрій Ростовскій, Иннокентій Иркутскій, Тихонъ Задонскій и мн. др. Правда, мы не имѣемъ строго формулированныхъ и авторизованныхъ церковію регламентацій такого быта, но вѣдь и монастырское монашество получило ихъ не до своего историческаго возникновенія, а значительно послѣ, и между тѣмъ отъ этого не стало лучше и почтеннѣе, нежели прежде. Церковная жизнь сама по себѣ несетъ свою святость и свое оправданіе; не регламентація ее узаконяетъ, но напротивъ

ею-то провѣряется и авторизуется. Церковь вѣруетъ въ единосущіе Отца и Сына не потому, что такъ рѣшили два собора, но соборы эти признаны, потому что оказались съ внутренней жизнью церкви согласны“¹⁾.

Далѣе авторъ разбираетъ одно за другимъ всѣ возраженія, какія обыкновенно высказываются по адресу ученаго монашества. Такъ наприм., онъ спрашиваетъ: „чѣмъ ученый монахъ вознаградитъ время и силы, потраченныя на дѣланіе пастырское, на увѣщанія, на проповѣдь, на писаніе или печатаніе, на бесѣды, на лекціи и пр.? Пусть все это нужно для спасенія другихъ, пусть все это монахъ можетъ исполнить даже лучше, чѣмъ мірской пастырь, но для его собственнаго-то духовнаго роста что принесетъ сія многопечительная дѣятельность? Отвѣтимъ на это словами аскета и проповѣдника — св. Іоанна Златоуста: „тотъ, кто даетъ ближнему денегъ, тотъ уменьшаетъ свое имѣніе и чѣмъ болѣе онъ даетъ, тѣмъ болѣе уменьшится его имѣніе. Но здѣсь въ дѣлѣ проповѣди напротивъ: тогда то болѣе и умножается у насъ имѣніе, тогда-то болѣе и возрастаетъ это духовное богатство, когда мы обильно проливаемъ ученіе для тѣхъ, кои желаютъ черпать оное“²⁾. Эту мысль св. отецъ съ настойчивостью повторяетъ до 10 разъ въ этихъ 67 бесѣдахъ. Ее же выясняетъ Господь святителю Тихону въ видѣніи. Когда этотъ, почти современный намъ, угодникъ Божій, живя уже на покоѣ въ пустыни, не переставалъ учить, благотворить и болѣть душой за всѣхъ, то увидѣлъ однажды во снѣ, что онъ съ великимъ трудомъ поднимается по высокой лѣстницѣ къ небу и ему грозитъ паденіе; но вотъ со всѣхъ сторонъ къ нему подходятъ различные люди, старые и молодые, мужчины и женщины и начинаютъ его поднимать и подсаживать выше и выше, такъ что онъ уже безъ всякаго труда и даже помимо собственныхъ усилій приближается къ небу...

Итакъ, пастырское дѣланіе, какъ дѣланіе аскетическое, если его понимаютъ не почиовничьи, а по отечески, никогда

¹⁾ *Епископъ Антоній*. Объ ученomъ монашествѣ. Полное собраніе сочиненій, Т. II стр. 419 сл. Казань 1900 г. Въ первый разъ эта статья была напечатана въ „*Церковн. Вѣстн.*“ за 1889 г. въ №№ 29 и 30-мъ.

²⁾ *Св. Іоаннъ Златоустъ*. Бес. 8. на кн. Быт.

не можетъ вредить духовному возрастанію монаха.... Обыкновенный отшельникъ преобораеъ свои страсти ради спасенія своей души, а монахъ—пастырь—ради спасенія многихъ душъ. Первый противопоставляетъ грѣховнымъ сластямъ сладость любви божественной, а второй понимаютъ эту любовь съ двойною силой, наблюдая духовный ростъ множества христіанскихъ душъ.... У пустынниковъ есть великіе постники, извѣстные всему православному міру молитвенники; у монаховъ ученыхъ не въ пустыняхъ, а въ семинарскихъ стѣнахъ воспитывались такія евангельскія души, какъ святители Димитрій, Иннокентій, Тихонъ. Наконецъ, кто же изъ пустынныхъ отцевъ наипаче ублажается? Опять же старцы, т. е. учителя духовные, учившіе добродѣтелямъ не монаховъ только, но и мірянъ. Итакъ, даже аскетизмъ отшельнической разрѣшается въ пастырство, по слову рекшаго: *въровахъ, тѣмъ же и возглаголахъ*. Не пастырство съ монашествомъ не совмѣстимы, но равно гибельны для церкви внѣшнее, юридическое пониманіе того и другого¹⁾.

На эту статью „объ ученomъ монашествѣ“ писалъ критику одинъ выдающійся богословъ, глубокой христіанскій мыслитель, рѣдкій монахъ, безвременно окончившій дни своего странствованія святителемъ на каедрѣ Симферопольской. Заирая автора этой статьи (и вполне справедливо) за нѣкоторое отъединеніе ученаго монашества отъ основныхъ обѣтовъ монашества, онъ писалъ: „да не подумаетъ кто-нибудь, что мы обрекаемъ монашество на какую то неподвижность. Нѣтъ. Мы можемъ вполне согласиться съ авторомъ, что возможна иная форма монашества, иные уставы съ инымъ строемъ. Но мы твердо убѣждены, что это новое только тогда можетъ быть названо монашескимъ, когда оно не только не нарушитъ фактическаго исполненія обѣтовъ, а, наоборотъ, всецѣло изъ нихъ будетъ вытекать, составляя только ихъ болѣе совершеннѣйшее раскрытіе и примѣненіе и вполне соответствующая внутреннему духу исторически сложившагося монашества“. „Что изъ монаховъ возможны пастыри, въ этомъ никто не сомнѣвается...“, но „мы думаемъ, что монахи-пастыри по силѣ возможности старались идти тѣмъ и другимъ путемъ, смиренно сознавая свои недочеты и здѣсь

1) *Еп. Антоній*. Соч. дит. Тамъ же стр. 426 сл.

и тамъ, и преклоняя свои личные помыслы о спасеніи предъ призывомъ Церкви послужить ея современнымъ потребностямъ“. „Ученое монашество“ столь вызывается потребностями русской церковной жизни, столь настоятельно и сильно, что вполне можетъ обойтись безъ такихъ обоюдострыхъ аргументацій, какъ ссылка на святость церковной жизни, носящей самой въ себѣ оправданіе существующимъ въ ней явленіямъ“ ¹⁾.

Третій, также извѣстный, святитель объ ученомъ монашествѣ говоритъ: „большинству изъ насъ приходится вести жизнь въ обстановкѣ самой обыкновенной, мало чѣмъ отличающейся отъ мірской. Мы вѣдь живемъ тамъ же, гдѣ и міряне, дѣлаемъ то же дѣло, несемъ то же служеніе, что и они. Въ чемъ же тогда наше послушаніе? Въ чинѣ постриженія указывается еще видъ послушанія, не менѣе обязательный, чѣмъ и первый. „Послушаніе, сказано тамъ, имѣй ко всѣмъ“, не къ старцу только. Что же это значить? Это не значить, чтобы человѣкъ пересталъ владѣть своей волей, былъ какъ безрукій, чтобы онъ превратился въ безсознательное орудіе всякаго, кто только ни встрѣтился бы съ нимъ... „Послушаніе ко всѣмъ“ состоитъ въ такомъ устроеніи своей жизни, чтобы не другіе люди, нуждаясь въ насъ и живя вмѣстѣ съ нами, къ намъ приспособлялись, а чтобы мы сами готовы были всегда и во всемъ пожертвовать своими привычками и потребностями ради другихъ, чтобы нигдѣ и ни въ чемъ не ставили закономъ нашего собственнаго разумѣнія и желанія, потому что оно наше, а желали бы отъ всѣхъ научиться и всѣмъ послужить. Поэтому въ частности, приходя въ новое мѣсто, въ новую непривычную обстановку, монахъ не думаетъ тотчасъ же ломать эту обстановку, а старается самъ войти въ господствующій тамъ укладъ, и, не противорѣча людямъ старается свѣтить имъ добродѣтелями своими и тѣмъ наставлять ихъ на путь. Истинное „послушаніе ко всѣмъ“ заставитъ васъ въ минуты, когда духъ вашъ горитъ къ небесамъ, когда вы стремитесь къ созерцанію и вкушаете его безмолвный покой, заставитъ васъ выслушивать и тѣ мел-

¹⁾ *Епископъ Михаилъ. (Л. И.)* Еще о такъ называемомъ ученомъ монашествѣ. *Церк. Вѣстн.* 1889 г. №№ 40, 41.

кія, низменная скорби и недоумѣнія людей, съ которыми они къ вамъ обратятся. Наоборотъ, то же „послушаніе ко всѣмъ“, заставитъ васъ стать на молитву, когда, по вашему разумѣнію и желанію, вамъ бы слѣдовало дѣйствовать, когда помысль васъ влечетъ на арену общественныхъ подвиговъ... „Послушаніе ко всѣмъ“, однимъ словомъ, есть постоянная готовность во всемъ и всегда послужить Христу, въ чемъ бы Онъ ни указалъ эту службу, постоянное пребываніе, бодрствованіе на своемъ крестѣ, при всѣхъ обстоятельствахъ жизни, при исполненіи всякихъ, даже самыхъ ничтожныхъ, дѣлъ служенія, при всякихъ, даже случайныхъ, сношеніяхъ съ людьми“. А самоотверженная любовь къ ближнему? „Развѣ любовь когда-нибудь спрашиваетъ, когда-нибудь высчитываетъ, сколько нужно пожертвовать для любимаго предмета? Развѣ дѣло любви размѣрять величину своего подвига, какъ бы боясь передать лишнее? Любовь потому и любовь, что она себя не щадитъ, что она всегда на все готова, готова принести жертву даже тогда, когда отъ нея этой жертвы и не требуютъ?“ ¹⁾

Много говорили и еще теперь говорятъ у насъ объ организаціи монастыря, насельниками котораго были бы спеціально ученые иноки, посвятившіе не нѣсколько лѣтъ, а всю свою жизнь наукѣ. Эту мысль часто высказывали не только простые иноки и лучшіе свѣтскіе люди, но и многіе архипастыри и даже митрополиты. И какъ бы благовременно было теперь это. Свѣточъ многихъ монастырей нашихъ гаснетъ, сокровища святоотеческой литературы еще далеко не всѣ переведены и изданы, нужны борцы за церковь, нужно живое слово...

Наконецъ, говорить ли еще о служеніи ближнимъ Оптиноскихъ старцевъ, къ которымъ собирались люди со всѣхъ концовъ русской земли? Говорить ли о служеніи людямъ Валаамскихъ старцевъ? Говорить ли о старцахъ—подвижникахъ, населявшихъ нѣкогда Геосиманскій скитъ и протягивавшихъ руку помощи всѣмъ, приходившимъ къ нимъ? Говорить ли о другихъ подвижникахъ земли русской и о

¹⁾ *Епископъ Сергій*. Рѣчь къ новопостриженнымъ инокамъ, студентамъ С.-Петербургской Духовной Академіи, произнесенная въ академическомъ храмѣ 28 сент. 1902 г. См. *Церковн. Вѣстн.* 1902 г.

томъ, какъ они служили своимъ ближнимъ и дѣломъ и словомъ? ¹⁾

Говорить ли о служеніи ближнимъ великаго старца Саровскаго Серафима, прославленіе нетлѣнныхъ и чудотворныхъ мощей котораго уже давно такъ напряженно многими ожидается и скоро предвидится? Кому не извѣстна жизнь этого великаго старца, прошедшая вся въ служеніи ближнимъ, начиная отъ назиданія, исповѣди, различныхъ житейскихъ совѣтовъ и кончая всякими родами матеріальной помощи. Говорить ли о Троицкой Лаврѣ, которая въ непродолжительное время выпустила болѣе 90,000,000 различныхъ листовъ назидательнаго содержанія, не исключая сдѣланныхъ ею переводовъ и изданія большихъ и малыхъ сочиненій? Развѣ это не дѣло и не служеніе ближнему? Говорить ли о Соловкахъ, гдѣ ежегодно отъ 600 до 1200 подростковъ крестьянъ нашего сѣвера получаютъ и религіозное воспитаніе, и хозяйственную заправку? ²⁾ Говорить ли о святителѣ Теофанѣ, который, пребывая въ *затворѣ*, писалъ назидательнѣйшія сочиненія, переводилъ святоотеческія и аскетическія творенія, который послѣ себя оставилъ такую массу трудовъ, какую не оставляетъ часто не только одинъ ученый мужъ, а даже и цѣлая большая ученая корпорація? Этими трудами теперь живутъ милліоны русскихъ людей, ищущихъ на землѣ жизни Христовой. Ужели великій святитель-затворникъ не дѣло дѣлалъ? Приводить ли еще другіе примѣры „подѣлий“ иноческихъ на пользу и благо ближняго? Намъ думается, что довольно и приведенныхъ.

Итакъ, какъ же смотрѣть на этотъ настоятельный призывъ иноковъ къ служенію міру, тому міру, который, какъ море, шумитъ, мятется и стонетъ тамъ, за высокими, бѣлыми монастырскими стѣнами? Совмѣстимо ли съ иноческими обѣтами служеніе ближнему?

На этотъ животрепещущій вопросъ уже откликнулись нѣкоторые. Высказываются въ данномъ случаѣ въ положительномъ и отрицательномъ смыслѣ. Одни выносятъ оправдательный вердиктъ, другіе строго обвинительный. Вотъ вкратцѣ мнѣнія тѣхъ и другихъ по данному вопросу.

¹⁾ См. объ этомъ соч. Е. *Поселянина*. Русскіе подвижники 19 вѣка. Изд. 2-е СПб. 1901 г.

²⁾ Л. И. Соловьи. Стр. 42 сл. Москва 1900 г.

„Говорить, что наше монашество созерцательное, а не дѣятельное, стало общимъ сужденіемъ... Конечно, въ нашемъ монашествѣ нѣтъ того, что есть въ римско-католическихъ орденахъ, но говорить, что наше монашество *созерцательное*, ошибочно. Наше монашество въ его историческомъ развитіи было и есть по преимуществу *дѣятельное*. Правда, были у насъ строгіе аскеты: преп. Нилъ Сорскій, Никодимъ Кожезерскій, Никандръ Псковскій и другіе, но немного. Большинство же монастырей, монаховъ и виднѣйшихъ его представителей были и составляли *дѣятельное* монашество. Только дѣятельность ихъ носила строго-національную окраску, отличную отъ западно-европейской дѣятельности католическаго монашества. Наши монастыри были дѣятельными и эта дѣятельность проявлялась въ слѣдующемъ: иноки просвѣщали языческія племена свѣтомъ Христова ученія, давали высшую іерархію, поддерживали просвѣщеніе, распространяли русскую культуру и гражданственность нашего отечества въ теченіе цѣлыхъ вѣковъ. Доказывать это нѣтъ надобности. Такъ было до Петровской эпохи, но тутъ вдругъ все какъ-то измѣнилось. Все прошло и миновалось, затихли иноческія обители, перестали онѣ давать знаменитыхъ іерарховъ, почти не слышно ихъ благовѣстія. Тамъ, гдѣ процвѣтало знаніе и науки, теперь часто едва умѣютъ читать и писать. А о культурной дѣятельности нѣтъ и помину. Прошли времена колонизаціонной дѣятельности иноковъ. Тихо течетъ жизнь въ монастыряхъ и мало кто идетъ туда. Что значить: ужели изсякли силы нашего иночества, ужели духъ преп. Сергія и его учениковъ пересталъ витать надъ созданными ими обителями, и монашество должно отойти въ область исторіи, какъ отжившее явленіе? Нѣтъ и нѣтъ. Цѣлый сонмъ великихъ подвижниковъ послѣднихъ двухъ столѣтій говоритъ вѣрующему сердцу, что не изсякъ у насъ духъ иночества, есть еще могучія силы, что таятся до времени. Вѣрится сердцу, что наше монашество обновится, воспрянетъ съ новыми силами, какъ только будутъ сняты съ него тяжелыя оковы—современныя условія, въ какія оно поставлено теперь. Какъ могучій потокъ, струя иноческой жизни протечетъ отъ Петербурга до Пекина и отъ Соловокъ, гдѣ почилъ Зосима и Савватій, и отъ Валаама и Коневца, созданія преп. Сергія, Германа и

Арсенія, до тихихъ водъ Босфора и Индіи...“ Горячо вѣрять въ это заставляетъ насъ прошлое нашего русскаго монашества. „Сначала инокъ подвижникъ проводилъ немало лѣтъ подъ строгимъ началомъ и борьбу со страстями и похотями, путемъ строгаго воздержанія очищался душевно и, когда становился крѣпокъ духомъ, выходилъ уже на общественную дѣятельность, какъ создатель новаго монастыря, духовникъ княжескій, іерархъ и т. д.“ Постепенно подвигаясь съ юга на сѣверъ и ведя за собою поселеніе русскихъ людей, иноки прошли до самаго дальняго сѣвера, побѣждая всѣ препятствія, какія имъ встрѣчались на пути. Послѣднимъ пунктомъ ихъ были Соловки. Устремлялись они и на западъ. Многіе изъ нихъ погибли на этомъ пути. „Смерть многихъ подвижниковъ, какъ то: преп. Трифона городецкаго, Василія мирожскаго, Иосафата свѣтогорскаго и учениковъ преп. Трифона Печенгскаго (116 страдальцевъ) и многихъ другихъ должна быть разсматриваема, какъ смерть представителей русско-иноческаго движенія на западъ, остановленнаго мечемъ римскаго военнаго иночества“¹⁾. Какъ чудно и поэтично живописуетъ въ данномъ случаѣ дѣятельность иноковъ м. Филаретъ. Отъ одного свѣточа загораются другіе свѣточки по многимъ мѣстамъ русской земли. Отъ силы духовнаго свѣта падаютъ кругомъ дремучія лѣса, населяются пустыни, желтѣютъ кругомъ нивы, смягчаются нравы, исчезаютъ многія суевѣрія. Слово жизни дѣйственно проникаетъ всюду и смиренныя основатели обителей связуютъ русскій народъ нерасторжимыми духовными узами въ одну тѣсносплоченную родную русскую семью. Завѣты отшельниковъ становятся завѣтами народными. Воспитываясь подъ вліяніемъ ихъ, народъ такъ воспринимаетъ ихъ, что они кладутъ рѣзкій отпечатокъ на всю его жизнь и съ этого времени становятся его неотъемлемымъ достояніемъ. Кто имѣетъ чуткую душу, тотъ еще и теперь можетъ ясно различать, что заимствовано русской народной душой изъ этого богатаго источника...

„Аскеты уходили изъ міра не для того, чтобы совершать только свое спасеніе, не убѣгали отъ служенія, а шли

¹⁾ *Архимандритъ Никодимъ*. Одно ли монашество виновато въ современныхъ его недочетахъ. *Церк. Вѣстн.* 1902 г. № 42.

служить своей молитвой и *готовиться къ служенію и дѣломъ и молитвой*. Христіанскій аскетизмъ есть дѣятельное служеніе нравственному возрожденію человѣческихъ обществъ и утвержденію въ мірѣ царствія Божія. *Любовь къ ближнему во имя Божіе наполняетъ сердце аскета и въ началѣ его аскетическія подвиговъ и въ концѣ его подвижнической жизни* ¹⁾. Г. Розановъ предостерегаетъ противъ болѣзненнаго и обольстительнаго наркоза аскетизма, который устами св. Исаака проповѣдуетъ, будто *человѣкъ долженъ сдерживать милосердіе и ожесточать свое сердце, чтобы попеченія о дольнемъ, т. е. о людяхъ, не отвели его отъ Бога*. Человѣкъ, такимъ образомъ, по Исааку, долженъ уклоняться любви къ ближнему, какъ *обольщенія*... Съ глубокой болью читаемъ мы эти слова. Св. Исаакъ оказывается *человѣко-ненавистникомъ*. Но у него болѣе чѣмъ у кого-нибудь *любовь къ ближнему въ Богъ есть начало и конецъ аскетизма*. Вотъ поучительные и интересные для насъ совѣты св. Исаака. Эти наставленія даются аскетомъ *отшельническаго типа* и однако, что именно проповѣдуетъ онъ и имъ? „Чтобы вытѣснить изъ души *человѣка* не только грѣхъ дѣйствительный, но и самую *наклонность къ грѣху*, св. подвижникъ требуетъ *полнаго одушевленія съ любовью къ ближнимъ*. Св. Исаакъ отъ *стремящихся къ аскетическимъ подвигамъ* требуетъ *сперва научиться любви къ ближнему*. Дѣятельная *любовь къ ближнему, одна она дѣлаетъ духъ его способнымъ для чистой любви къ Богу*.

Въ началѣ подвига необходимо *сожительство со многимъ*. Горѣ *пустыннику*, если онъ въ пустыню внесетъ *страсти свои*. А это легко можетъ случиться, если *человѣкъ не проходитъ въ началѣ подвига, сопряженнаго съ выполненіемъ заповѣди о любви къ ближнему, гдѣ при непрерывныхъ столкновеніяхъ съ людьми воспитывается его душа*. Только *вѣрное и постоянное выполненіе заповѣди о любви къ ближнему* отверзаетъ *ключъ къ божественнымъ дарованіямъ и вмѣстѣ служитъ вѣрнымъ признакомъ того, что есть въ человѣкѣ, и что даетъ себѣ знать любовь созерцательная и истинная къ Богу*. Этимъ путемъ шли, по святому Исааку, *всѣ отцы: и св. Василій Великій и Макарій и др. Всѣ они шли отъ любви къ ближнимъ и ей кончали*. Въ пустыню они

¹⁾ А. Гусевъ. Прав. Обзор. 1878 г. мѣс. Іюль. Стр. 448.

уходили отъ людей, но какая цѣль этого ухода? Убѣжать „обольщенія любви къ ближнимъ“, удаляющей отъ Бога? Нѣтъ. Воспитать такую любовь, чтобы человекъ, если онъ и 10 разъ отдаетъ себя на сожженіе *за любовь къ людямъ, не удовлетворялся бы этимъ* ¹⁾. Іоаннъ милостивый, наприм., своимъ дыханіемъ согрѣваетъ прокаженнаго.

Аскеты никогда не одобряли уклоненія отъ служенія человекъ. Златоустъ, будучи горячимъ сторонникомъ современнаго отшельничества и самъ строгій аскетъ, въ то же время часто выражалъ глубокое сожалѣніе, что пустыня отвлекла отъ міра и общества лучшихъ людей того времени и лишила ихъ благотворнаго вліянія на народную массу. И самъ Іоаннъ былъ непрестаннымъ и неумолимымъ общественнымъ дѣятелемъ, близко принимавшимъ къ сердцу общественные интересы и нужды современнаго ему общества. Даже Симеонъ Столпникъ, вознесшійся какъ бы надъ самой землей и, повидимому, совершенно разорвавшій связь съ земной жизнью, не только съ своего столпа утѣшаетъ скорбящихъ, научаеъ жаждущихъ истины, но и пишетъ письма къ правителямъ и пастырямъ Церкви ²⁾. На удаленіе въ монастырь аскеты смотрятъ какъ только на приготовленіе къ служенію въ мірѣ, и мы знаемъ, что многіе аскеты *изъ пустыни дѣйствительно выходили въ мірѣ съ душой, готовой для добра и сильной, чтобы побѣждать во Христѣ любовью, какъ Василій Великій, Златоустъ, Антоній Великій*. Въ пустыняхъ христіане созидали въ себѣ ту любовь къ человекъ, которая подняла на воздухъ св. Макарія во время его молитвы о людяхъ и ихъ благоденствіи, ту горячую проникновенность въ чужую, грязную и страдающую душу, какою отличаются старые подвижники.

Христіанство обязательно соединено съ аскетическимъ требованіемъ „все до конца“... Христіанство прощаетъ человекъ, если онъ не уходитъ далѣе извѣстнаго предѣла въ слѣдованіи за Христомъ, но не можетъ объявлять позволительнымъ какое-то полудѣланіе, христіанскую полулюбовь. Если человекъ отдастъ изъ своего имущества 50%, то почему онъ остановится здѣсь? Значить, у этой границы его сердце смолкаетъ? Пусть онъ отдастъ 98% и остановится

¹⁾ Слова св. *Исаака Сиріна*.

²⁾ *А. Гусевъ*. Тамъ же.

здѣсь, не ясно ли, что онъ не двигается вовсе впередъ, а сталъ хуже, чѣмъ тогда, когда дѣлалъ первые шаги. Тогда онъ шелъ, теперь остановился.

Не врагами, а созидателями жизни были христіанскіе подвижники, когда считали для себя „даже воздухъ стяжаніемъ неправеднымъ“. Полные любви къ ближнему, они совершенно послѣдовательно думали, что каждая лишняя крошка хлѣба будетъ хищеніемъ у этого ближняго, и потому не по ненависти къ тѣлу, а по побужденіямъ искреннѣйшаго альтруизма ограничивали свои потребности. И, конечно, никакая логика ничего не можетъ возразить противъ этой логики безконечно любящаго сердца“ ¹⁾. „Если въ Евангеліи данъ идеаль жизни, то непонятно и невозможно, чтобы христіанство допускало отдѣльные часы и минуты, когда человѣку позволительно было бы жить внѣ Евангелія, уйдя изъ ограда евангельскаго идеала. Куда же человѣкъ дѣнетъ эти идеалы въ такіе часы? Что это за христіанство съ антрактами и отпусками?... Такіе отпуска — дезертирство, измѣна Богу, „блудодѣяніе“ ²⁾. Если это требуется отъ простаго христіанина, то что же требуется отъ инока?...

Теперь посмотримъ, что намъ говорятъ люди другихъ взглядовъ на монашество, которое должно отличаться не только созерцаніемъ, но и дѣятельностью?

Намъ здѣсь говорятъ слѣдующее. „Можно ручаться, что добрая половина читателей, ни чуть не сознающихъ себя оторвавшимися отъ Православія, совершенно одобрить мысль г. Круглова засадить монаховъ за дѣло школьное, больничное и вообще разныя „общепользныя“ занятія. А между тѣмъ эта идея въ самомъ корнѣ противна духу христіанства“ ³⁾. „Христіанинъ можетъ и, пожалуй, обязанъ воздѣйствовать на міръ, во имя служенія Богу, но служить двумъ господамъ нельзя. Служить міру—это значило бы служить „князю міра“... Потому-то обмірщеніе христіанства, то есть воздѣйствіе на христіанство во имя потребностей міра, и приводитъ въ концѣ концовъ къ явному антихристіанству“ ⁴⁾. Идея о слу-

¹⁾ *Геро. Михаилъ.* Новое христіанство. Миссіон. Обзор. 1902 г. мѣс. Отк. Стр. 394 и др.

²⁾ Тамъ же. Стр. 394.

³⁾ *Моск. Вѣдом.* Омірщеніе христіанства. 1902 г. № 277.

⁴⁾ Тамъ же.

женіи иноковъ ближнимъ представляетъ собою „типичное выраженіе одного изъ распространенныхъ въ современномъ обществѣ предразсудковъ по вопросу о монашествѣ и монастыряхъ, ихъ значеніи и назначеніи... Въ существенныхъ пунктахъ статьи А. В. Круглова мы видимъ не что иное, какъ тонкую подмѣну православно-русскаго идеала монашества идеаломъ западнымъ“¹⁾.

А однимъ авторомъ подобныя мысли о служеніи инока ближнимъ высказаны и болѣе пространно, и болѣе аргументированно. „Прочитали мы статью многоуважаемаго А. В. Круглова, пишетъ этотъ авторъ... и больно стало на душѣ...“²⁾

Въ какое смутное, тяжелое время живемъ мы теперь! Не говоримъ мы уже о тѣхъ, *иже отъ насъ изыдоша, но не бѣша отъ насъ*—о всѣхъ этихъ отщепенцахъ вѣры, которые знать не хотятъ ученія Церкви, Божественнаго Откровенія, и дали себѣ „разрѣшеніе на вся“: о всемъ позволяютъ себѣ судить и рядить по своему—увы—зѣло убогому смышленію. (Какое смиреніе!). Нѣтъ, вотъ человѣкъ, глубоко вѣрующій, любящій свою Церковь, ревнующій о славѣ Божіей, но посмотрите, какъ онъ рассуждаетъ? Изъ какихъ положеній выходитъ? Какъ смотритъ на величайшій и святѣйшій идеалъ монашества, на самую суть его?... Онъ проповѣдуетъ „пониженіе идеала монашескаго“, „пониженіе сего идеала“ и даже „идеаль-суррогатъ“. Монастырь, ставящій себѣ задачей служеніе ближнему и св. Церкви, это не монастырь, а „уклоненіе“, „отклоненіе отъ высшаго идеала монашества“. „Пусть въ такомъ монастырѣ строй жизни походитъ на монастырскій, пусть въ немъ управляетъ мать игуменія, пусть даже именуется такое учрежденіе монастыремъ: это будетъ только исключеніемъ изъ общаго правила, нѣкоторымъ отклоненіемъ отъ высшаго идеала монашества, но не нормою, не „образцомъ“ для всѣхъ монастырей. Такихъ отклоненій мы можемъ указать автору и еще не мало. Сущность монашескаго подвига заключается въ личномъ спасеніи. „Пусть міръ меня забудетъ, пусть и я умру для него: я безраздѣльно хочу принадлежать единому моему Господу“. „Пусть

¹⁾ *Душеп. Читк.* 1902 г. Окт. Стр. 186.

²⁾ *Душеп. Читк.* 1902 г. Окт. Православный идеалъ монашества. Стр. 194—209.

люди міра сего называютъ это „эгоизмомъ спасенія“: „это святой эгоизмъ“. „Единымъ на потребу (для монаха) остается молитва“; „все прочее лишь подѣліе“. Св. отцы не нашли полезнымъ поставить въ число обѣтовъ иноческихъ обязательное служеніе болящимъ“. „Если бы они находили такое послушаніе полезнымъ для иноковъ, то несомнѣнно во времена полного расцвѣта монашества при всѣхъ монастыряхъ были бы больницы, какъ непремѣнное условіе монашескаго дѣланія. Но этого то мы и не видимъ. Самъ почтенный авторъ разбираемой нами статьи едва нашель неясное указаніе въ твореніяхъ великаго учителя Церкви св. Златоуста на то, что иноки ходили за больными и увѣчными“. Говорятъ о школахъ при монастыряхъ: „а въ пустыни откуда дѣти?“ „Говорить ли объ искушеніяхъ, какія неизбежно возникнутъ, если превратить монастыри въ школы и больницы? Довольно напомнить изреченіе одного св. отца: „только въ двухъ случаяхъ монахъ можетъ покинуть обитель: если настоятель ея еретикъ, или если въ монастырѣ есть отроки“. Видно немалая опасность грозить монаху отъ близкаго обращенія съ дѣтьми...“ Много искушеній и другихъ можетъ быть въ этомъ случаѣ для инока. Отсюда читатель можетъ понять: „полезно ли новоначальнымъ послушникамъ проходить такія послушанія, какъ служеніе болящимъ въ многочисленныхъ общественныхъ больницахъ, а особенно обученіе дѣтей, гдѣ неизбежно искушеніе нѣкоего превозношенія надъ учениками...“

Не тѣмъ должна быть занята душа монаха. Св. Іоаннъ Лѣствичникъ говоритъ: „обитель для монаха „гробъ“ прежде гроба“. „Одинъ подвижникъ, размышляя о подвигахъ преподобныхъ Арсенія Великаго и Моисея, изъ коихъ первый всецѣло проводилъ время въ безмолвіи и молитвѣ, а второй принималъ привѣтливо мірянъ и бесѣдовалъ съ ними о пользѣ душевной,—молился: „Господи, открой мнѣ тайну дѣла: одинъ убѣгаетъ всѣхъ имени ради Твоего, а другой принимаетъ всѣхъ ради Твоего имени...“ Въ видѣніи ему было открыто, что подвигъ безмолвія выше подвига служенія словомъ для назиданія ближняго. „Приведемъ еще одно сказаніе изъ житія преп. Феодора Едесскаго, которое даетъ понятіе о томъ, какъ различна мѣрка добрыхъ дѣлъ у мірянъ и у истинныхъ монаховъ. Одинъ столпникъ рассказы-

валь преп. Теодору: „насъ было два брата. Мы спасались вмѣстѣ въ одной пустынѣ. Разъ я вижу издали, что братъ мой что-то перескочилъ. Смотрю — это куча золота. Я забралъ все золото въ мантию, пошелъ въ мѣръ, настроилъ храмовъ, монастырей, богадѣленъ и возвратился въ пещеру. Потомъ вошелъ въ меня помысль высокоумія, восхваляющій мой поступокъ и уничижающій брата. Подвигъ брата, бѣжавшаго отъ золота, ставится выше подвига брата, взявшаго его“.

Но вѣдь въ монастыряхъ, говоритъ Кругловъ, не смотря на всю ихъ отрѣшенность отъ міра, все же немало и внѣшняго дѣланія? Почему же тогда не имѣть внѣшняго дѣланія въ видѣ служенія въ больницѣ, въ школѣ? Скорбно было читать эти строки продолжаетъ авторъ: „почему же работа въ больницѣ помѣшаетъ спасенію, а сидѣніе въ книжной лавкѣ не помѣшаетъ? Почему занятія въ школѣ несомвѣстимы съ дѣломъ спасенія, а завѣдываніе монастырскими гостинницами совмѣстимо?.. Слѣдовало бы продолжить подобные вопросы: почему работа въ пекарнѣ или на кухнѣ святое послушаніе, а въ больницѣ и школѣ нѣтъ? и т. д. Отвѣчаемъ: ни гостинница, ни лавка не освобождаютъ монаха или послушника отъ святой обязанности неопустительно посѣщать храмъ Божій. Послушанія эти носятъ временный характеръ. Сегодня монахъ на гостинницѣ или въ лавкѣ, а завтра онъ уже служитъ въ церкви. Одно другому не вредитъ. Наука тутъ ненужна. Умѣнья большаго тутъ не требуется. Да наконецъ: вѣдь это такія послушанія, которыя въ обителяхъ вызываются простою необходимостью“...

Вотъ сущность возраженій, сдѣланныхъ противъ людей призывающихъ инока на служеніе не только себѣ, но и своему ближнему. Признаюсь, меня они не совсѣмъ удовлетворили.

Говорятъ: „пусть мѣръ забудетъ меня: я безраздѣльно хочу принадлежать единому моему Господу“. Надѣюсь, въ устахъ автора „идеала православнаго монашества“ это не пустыя слова, не патетическая только фраза, рассчитанная на извѣстный эффектъ. Если же это такъ, то намъ ничего больше не нужно. Вотъ изъ конца въ конецъ по Палестинѣ ходитъ Тотъ, Кому мы ввѣряемъ свое сердце. Онъ „не имѣетъ, гдѣ преклонить голову.“ Сегодня—здѣсь, завтра—тамъ. Утромъ—

у разслабленнаго, вечеромъ—у нѣмого. Тамъ прозрѣлъ слѣпой, здѣсь исцѣленъ бѣсноватый, тутъ хрому возвращены ноги, вотъ здѣсь накормлены голодные. Но вотъ наступаетъ ночь... И Того, Кто такъ неутомимо трудился весь день, мы видимъ часто на горѣ. Взоръ Его устремленъ къ небу. Безраздѣльно тамъ Его сердце... Колѣнопреклоненный Онъ ночи въ молитвѣ бесѣдуетъ съ Отцомъ Своимъ. Этотъ чудный Цѣлитель, Благотворитель, Молитвенникъ не намъ ли сказалъ, чтобы мы шли по стопамъ Его? А если мы не слѣдуемъ Христу, то Его ли тогда мы ученики? Христиане даже ли мы?...

Вы говорите, что безраздѣльно принадлежите Христу, а Христосъ поставляетъ рядомъ съ любовью къ Богу любовь къ ближнему. „Возлюби... и ближняго, какъ самого себя“, говоритъ Онъ. Да и какъ нужно возлюбить? „Нѣтъ больше той любви, какъ если кто положить душу свою за друзей своихъ“. (Іоан. 15. 14). Въ чемъ частнѣе выражается любовь къ ближнему? А вотъ послушаемъ, что говоритъ Самъ Христосъ Спаситель объ этомъ.

Придетъ нѣкогда грозный часъ суда надъ всѣми. Когда праведники будутъ отдѣлены отъ грѣшниковъ, то первымъ будетъ сказано Христомъ Спасителемъ: „Приидите благословенные Отца Моего! наслѣдуйте царство, уготованное вамъ отъ созданія міра. Ибо алкалъ Я, и вы дали Мнѣ ѣсть; жаждалъ, и вы напоили Меня; былъ странникомъ, и вы приняли Меня; былъ нагъ, и вы одѣли Меня; былъ боленъ, и вы посѣтили Меня; въ темницѣ былъ, и вы пришли ко Мнѣ. Тогда праведники скажутъ ему въ отвѣтъ: Господи, когда мы видѣли Тебя алчущимъ и накормили? или жаждущимъ, и напоили? Когда мы видѣли Тебя странникомъ, и приняли? или нагимъ, и одѣли? Когда мы видѣли Тебя больнымъ, или въ темницѣ, и пришли къ Тебѣ? И Царь скажетъ имъ въ отвѣтъ: истинно говорю вамъ: поелику вы сдѣлали сіе одному изъ сихъ братьевъ Моихъ меньшихъ, то сдѣлали Мнѣ. Тогда скажетъ и тѣмъ, которые по лѣвую сторону: идите отъ Меня, проклятые въ огонь вѣчный, уготованный диаволу и ангеламъ его! Ибо Я алкалъ, и вы не дали Мнѣ ѣсть; жаждалъ, и вы не напоили Меня; былъ странникомъ, и не приняли Меня; былъ нагъ, и не одѣли Меня; боленъ и въ темницѣ, и не посѣтили Меня“. (Мѡ. 25,

34—43). Вотъ болѣе частное изображеніе и раскрытіе нашей любви къ ближнему, какое мы находимъ у Христа Спасителя.

Такъ, конечно, понимали эту заповѣдь и Его ученики, св. апостолы. Апостолъ Іоаннъ пишетъ: „Богъ есть любовь, и пребывающій въ любви пребываетъ въ Богѣ, и Богъ въ немъ“ (1 Іоан. 4. 16). И еще: „мы имѣемъ отъ Него такую заповѣдь, что любящій Бога любить и брата своего“. (21 ст.) Кто же говоритъ, „я люблю Бога, а брата своего ненавижу“, тотъ лжець: ибо не любящій брата своего, котораго видитъ, какъ можетъ любить Бога, Котораго не видитъ“. (20 ст.). Отсюда совершенно понятно увѣщаніе св. апостола, обращенное къ христіанамъ: „дѣти мои! станемъ любить не словомъ или языкомъ, но дѣломъ и истиною“. (3, 18). „А кто имѣетъ достатокъ въ мірѣ, но, видя брата своего въ нуждѣ, затворяетъ отъ него сердце свое: какъ пребываетъ въ томъ любовь Божія“. (1 Іоан. 3, 17). Говоритъ ли объ ап. языковъ и его ученіи о любви? „Если я говорю языками человѣческими и ангельскими, а любви не имѣю,—заповѣдуетъ онъ,—то я мѣдъ звенящая, или кимваль звучащій. Если имѣю даръ пророчества, и знаю всѣ тайны, и имѣю всякое познаніе, и всю вѣру, такъ что могу и горы переставлять, а не имѣю любви; то я ничто. И если я раздамъ имѣніе мое, и отдамъ тѣло мое на сожженіе, а любви не имѣю; нѣтъ мнѣ въ томъ никакой пользы“. Ап. Іаковъ пишетъ: „если братъ или сестра наги и не имѣютъ дневного пропитанія, а кто-нибудь изъ васъ скажетъ имъ: идите съ миромъ, грѣйтесь и питайтесь, но не дасть имъ потребнаго для тѣла: что пользы?“ (Іак. 2, 15—16; 1 Кор. 13, 1 сл.).

Представимъ теперь слѣдующее. Вотъ инокъ-созерцатель выходитъ изъ своей келліи въ храмъ. На дорогѣ къ нему протягиваются слабыя и совершенно безпомощныя руки за помощью. Что долженъ отвѣчать такой инокъ какой-ниб. „ветхой денми“, голодной, едва одѣтой, дрожащей отъ холода, оставленной всѣми старушкѣ? Ужели онъ сможетъ сказать ей: „оставь меня: я безраздѣльно принадлежу единому моему Господу“. Или, можетъ быть, онъ скажетъ: я не могу служить Богу и міру, не заставляй меня „подрывать въ корнѣ христіанство“, не увлекай меня въ „явное антихристіанство“, зачѣмъ ты вынуждаешь меня „оміръшать христі-

анство“, „дѣлать тонкую подмѣну православно-русскаго идеала западнымъ“? Иди съ миромъ дальше.... Не смущай меня... У народа горе. У него—голодь и холодъ... Можемъ ли мы тогда оставаться съ одною лишь молитвою на устахъ и говорить ему: „помоги вамъ, Господи, обогрѣться и насытить себя“? По-христіански ли мы поступимъ въ такомъ случаѣ...

Но можетъ быть, кто-нибудь скажетъ: мы давали обѣты иноческой жизни не по Евангелію... Пойдемъ тогда къ той книгѣ, по которой мы произносили свои обѣты и посмотримъ, что тамъ написано.

Постригающій спрашиваетъ постригаемаго: „пребудеши ли до смерти въ *нестязжаніи и вольной Христа ради въ общемъ житіи сущей нищеть, ничтоже себѣ самому стяжавая, или храня, развѣ яже на общую потребу, и се отъ послушанія, а не отъ своего си произволенія?*“ Постригаемый отвѣчаетъ: „ей, честный отче, пребуду“. Въ оглашеніи постригающій поучаетъ постригаемаго: „трезвися убо во всемъ, злопостражди яко добрый воинъ Христовъ: самъ бо Господь и Богъ нашъ, богатъ сый въ милости, насъ ради обнища, яко да мы обогатимся царствіемъ Его. *Подобаетъ убо и намъ подражателемъ Его быти, и Его ради вся претерпѣти, преспѣвающимъ въ заповѣдехъ Его день и ночь.* Самъ бо Господь рече: аще кто хочетъ въ слѣдъ Мене ити, да *отвержется себѣ, и возьметъ крестъ свой, и въ слѣдъ Мене да идетъ: еже есть готову присно быти даже до смерти. на всякое исполненіе заповѣдей Его: ибо алкати и мачи и жаждати:* досаду же подъяти и укоризну: поношеніе же и гоненіе, и инѣми многими отяготитися скорбми, имже сущій по Бозѣ животъ начертывается“. На вопросъ постригающаго: „Сія вся тако ли исповѣдаеши“ мы слышимъ новый отвѣтъ изъ устъ постригаемаго: „ей, Богу содѣйствующу, честный отче“.

Послѣ Христа Спасителя свои взоры инокъ долженъ простирать къ людямъ, жившимъ по Бозѣ и имъ подражать въ своемъ житіи. „Вся отъ вѣка помышляй мученики и преподобныя, иже многими *поты и труды, и безчисленными кровями и смертми* сія стяжаша“, т. е. жизнь во Христѣ. И новый отвѣтъ слышимъ изъ устъ постригаемаго, что онъ все соблюдеть это даже „до кончины живота

своего“. Облекая новопостригаемаго въ первую одежду, постригающій говоритъ: „братъ нашъ облачится въ хитонъ *вольныя нищеты и нестяжанія, и всѣхъ бѣдъ, и тѣснотъ претерпѣнія*“. А когда возлагаетъ крестъ на постригаемаго, то постригающій произноситъ слѣдующія знаменательныя слова: „братъ нашъ пріемлетъ знаменіе креста Господня на своя перси, во *всегдашнее воспоминаніе* злостраданія, и уничиженія, оплеванія, поношенія, раны, заушенія, распятія, и смерти Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, яже волею насъ ради претерпѣ: и *во еже по елику мощно сія подражати тщатися*“. Вотъ надѣваются на ноги новопостриженнаго сандалии и какія дивныя по глубинѣ мысли снова произносятся: „братъ нашъ обувается въ сандалиа благовѣствованія мира, *во еже скору ему быти, и тщаливу на всякое послушаніе, и на всяко дѣло благое*“ 1)..

Такъ тѣсно и чинъ постриженія связываетъ жизнь инока съ жизнью Христа Спасителя и всѣхъ святыхъ. Каждый иннокъ долженъ быть „*подражателемъ*“ Его. А если такъ. то можетъ ли онъ отказаться отъ служенія ближнему, когда это въ его силахъ и можетъ ли когда-нибудь сказать ему: „отойди: я всецѣло принадлежу Христу, а не тебѣ“... Думаемъ, что не можетъ, если онъ только хочетъ быть истиннымъ инокомъ.

А что означаетъ собою обѣтъ вольной Христа ради нищеты и полнаго нестяжанія?

Можно ли послѣ всего этого утверждать, что среди монашескихъ обѣтовъ нѣтъ обѣта служить больнымъ? Можетъ быть, можно еще сказать, что милосердіе и милостыня не дѣло монашеское? Вѣдь и это нѣкоторые говорятъ даже...

О, любовь, любовь, великій и безцѣнный даръ неба, какъ мало мы знаемъ тебя и какъ мало руководимся тобою въ своей жизни. Ничего у насъ нѣтъ кромѣ однихъ жалкихъ и пустыхъ словъ. А какъ великъ этотъ даръ въ очахъ Божіихъ! „Я утверждаю, говоритъ Павелъ, что если мы положимъ душу свою даже за Бога, и не просто положимъ, но и будемъ сожжены, то и тогда не будетъ никакой намъ пользы, если мы не любимъ ближняго“ 2). „Какъ можно страдать, не

1) *Чинъ постриженія*. Л. 6 сл.

2) *Еп. Теофанъ*. Толкованіе на перв. посл. къ Коринтянамъ. Стр. 426. Москва. 1882 г.

имѣя любви, примѣръ этому представилъ нѣкто Саприкій, іерей Антиохійскій. Онъ былъ въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ къ одному мірянину Никифору. Потомъ они изъ-за чего-то разладили и очень. Никифоръ впрочемъ скоро опомнился и искалъ примиренія, но безуспѣшно. Въ этомъ состояніи застало ихъ гоненіе. Саприкія взяли. Но онъ твердо стоялъ въ вѣрѣ и за это разнообразно мученъ, и наконецъ осужденъ на отсѣченіе главы. Никифоръ, узнавъ о томъ, поспѣшилъ въ слѣдъ его, и просилъ примиренія. Но тотъ отказалъ ему въ этомъ. За то отступила отъ него благодать, и онъ отрекся отъ Христа Господа въ ту минуту, какъ было уже совсѣмъ преклонилъ голову подъ мечъ. Вотъ онъ страдалъ и на все былъ готовъ, а любви не имѣлъ, и никакой не получилъ пользы отъ страданій“ 1).

Человѣкъ, истинно любящій ближняго, не на словахъ только, а и на дѣлѣ, „всѣ скорби другихъ считаетъ своими, и, входя въ сочувствіе ихъ скорби, всячески старается облегчить ихъ горе. Любовь, какъ елей на раны, такъ есть на всякую нужду, скорбь и немощь ближняго; она не успокоивается, пока не утѣшитъ, не поможетъ, не умиротворитъ. Болѣзнуетъ о всѣхъ, паче же о нуждающихся и страждущихъ“ 2). Любовь „не ищетъ своихъ си“. „Любимый составляетъ для нея все, и она вмѣняетъ себѣ въ безчестіе, когда не можетъ избавить его отъ безчестія, такъ что если можно собственнымъ безчестіемъ помочь любимому, то не считаетъ и этого безчестіемъ для себя. Любимый для любящаго есть то же, что онъ самъ. Любовь такова, что любящій и любимый составляютъ уже не два отдѣльныя лица, а одного человѣка, чего не можетъ сдѣлать ничто кромѣ любви. Посему не ищи своего, дабы тебѣ найти свое; ибо кто ищетъ своего, тотъ не находитъ своего. Потому и Павелъ говоритъ: „никто не ищи своего, но каждый пользы другого“. (I Кор. 10, 24). А польза cadaго заключается въ пользѣ ближняго“ 3).

Любовь „не безчинствуетъ“, „не мерзитъ, не брезгуетъ, не гнушается ничѣмъ, коль скоро того требуютъ благо ближняго.

1) Тамъ же Стр. 427. Настоящій рассказъ заимствованъ изъ Чет. Мин. за 9 Февр.

2) Тамъ же. Стр. 428 сл.

3) Тамъ же. Стр. 433.

Какъ бы что ни казалось унижительнымъ въ глазахъ людей, она не останавливается передъ тѣмъ, а съ охотою рѣшается на то, лишь бы сдѣлать добро любимому... Посмотримъ въ этомъ отношеніи на Христа, и увидимъ истину сказаннаго. Господь нашъ Іисусъ Христосъ подвергался оплеванію и бичеванію отъ жалкихъ рабовъ, и не только не считалъ этого безчестіемъ, но еще радовался и вмѣнялъ это въ славу. Разбойника и человекоубійцу Онъ вмѣстѣ съ Собою прежде другихъ ввелъ въ рай, бесѣдовалъ съ блудницей, притомъ въ присутствіи всѣхъ обвинителей своихъ, и не считалъ этого постыднымъ, а даже позволилъ ей цѣловать свои ноги, орошать слезами свое тѣло и отирать волосами, и все это предъ глазами враговъ и противниковъ; потому что любовь не гнушается ничѣмъ. Посему и отцы, хотя бы они были мудрѣе и краснорѣчивѣе всѣхъ, не стыдятся лепетать вмѣстѣ съ дѣтьми, и никто изъ взирающихъ на это не осуждаетъ ихъ, а напротивъ это кажется столь хорошимъ дѣломъ, что даже удостоивается похвалы" ¹⁾.—Не забудьте, эти чудныя строки о служеніи ближнему *дѣломъ* собраны рукою святителя — *отшельника, затворника, созерцателя...*

Не можемъ мы уклоняться отъ помощи ближнему еще и потому, что вѣдь теперь *не въ пустынь* мы живемъ, какъ жили древніе иноки. Они по годамъ не видали и лица человѣческаго. Мы живемъ въ міру, окруженные со всѣхъ сторонъ людьми. Слезы человѣческія проливаются рядомъ съ монастырской стѣной, а вопли человѣческіе переносятся и за высокія стѣны...

Намъ говорятъ объ опасности отъ близкаго обращенія монаха съ дѣтьми. Вотъ такъ по истинѣ грустно и тяжело становится на душѣ, когда читаешь эти строки автора „идеала православнаго монашества“. Мы всюду у св. отцовъ читаемъ, что монашество цвѣтъ христіанства, самый лучший и дорогой ростокъ его, краса св. Церкви. И что же говорятъ объ этомъ росткѣ?... Ему опасно соприкасаться съ невинными созданіями, на лицѣ и въ душѣ которыхъ начертано такъ много святости, величайшей чистоты и удивительной, почти

¹⁾ *Св. Іоаннъ Златоустъ.* Бес. на I посл. къ Коринѣ. 13 гл. 5 ст. Ср. *Еп. Феофанъ.* Соч. цит. Стр. 431 сл.

неземной прелести. Пора бы ужъ и забыть востокъ съ его правами. Вѣдь такъ давно, давно все это было.

Вспоминается мнѣ въ эти минуты невольнo слѣдующая библейская картина. Вотъ Христосъ Спаситель проповѣдуетъ свое возвышеннѣйшее ученіе, окруженный толпами народа. Матери еврейскія, пробираются черезъ толпу, съ своими малыми дѣтьми, чтобы Спаситель благословилъ ихъ. Апостолы удерживаютъ женщинъ. Но Иисусъ сказалъ: „пустите дѣтей, и не препятствуйте имъ приходить ко Мнѣ; ибо таковыхъ есть царство небесное“ (Матѣ. 19, 14). А можно ли когда-нибудь забыть слѣдующій дивный рассказъ св. Евангелиста. Однажды дорогою ученики Христа Спасителя разсуждали: „кто бы изъ нихъ былъ больше“. Что же Спаситель? „Кто хочетъ быть первымъ, будь изъ всѣхъ послѣднимъ и всѣмъ слугою — вотъ Его отвѣтъ на это недоумѣніе своихъ учениковъ. И взявъ дитя, продолжаетъ Евангелистъ, поставилъ его посреди ихъ, и обнявъ его, сказалъ имъ. Кто приметъ одно изъ такихъ дѣтей во имя Мое, тотъ принимаетъ Меня; а кто Меня принимаетъ, тотъ не Меня принимаетъ, но пославшаго Меня“ (Мрк. 9, 36 сл.). Мало того, и больше еще сказалъ имъ Спаситель: „Истинно, истинно говорю вамъ, если не обратитесь и не будете какъ дѣти; не войдете въ царство небесное“ (Мѣ. 18, 3). Такъ цѣнны въ очахъ Божіихъ дѣти. Вспоминается мнѣ и чудное преданіе о св. Игнатіи Богоносцѣ. Вспоминается святитель Леонтій Ростовскій. Будучи выгнанъ изъ Ростова, онъ поселился за городомъ и сластями привлекалъ оттуда къ себѣ дѣтей, чтобы сотворить ихъ христіанами. Вспоминается мнѣ, какъ былъ обласканъ въ лѣсу старцемъ—отшельникомъ малютка Варѣоломей, впоследствии великій угодникъ земли русской преп. Сергій. Вспоминаются мнѣ многочисленныя подобныя же случаи, о которыхъ такъ много и краснорѣчиво разсказывается въ нашихъ житіяхъ святыхъ.

А какъ замѣчательны въ данномъ случаѣ слова одного инока святителя о дѣтяхъ, недавно сказанныя имъ. Вотъ что онъ говоритъ о нихъ.

„Когда я проѣзжаю по малороссійской деревнѣ и вижу бѣлыя головки невинныхъ созданій Божіихъ, неизбалованныхъ свѣтскими матерями, не наученныхъ лгать и притво-

ряться, но во всей чистотѣ еще сохранившихъ свой благолѣпный образъ Божій, какъ я стремлюсь тогда къ нимъ! Какъ радъ бываю выйти хотя не надолго изъ своей неуклюжей кареты и подойти къ этимъ *Христовымъ любимцамъ*... Смотри, іерей Божій, какъ легко тебѣ *принять Христа Бога!* Одно только дитя приласкай во имя Его!... Смотри, *какія сокровища* посылаетъ тебѣ Богъ! Можно ли не любить ихъ?... Когда я вхожу въ сельскую школу, когда вижу тѣхъ, кому подобныхъ обнималъ нашъ Спаситель, то не сразу могу говорить отъ приступающихъ къ горлу слезъ“¹⁾...

На призывъ охраненія народнаго здравія намъ говорятъ: „развѣ появилась чума, холера или черная смерть? О, конечно, тогда пусть всѣ иноки обратятся въ братьевъ милосердія, всѣ монастыри въ больницы и пристанища несчастнымъ. Но слава Богу: пока этого нѣтъ. О чемъ же рѣчь“? Авторъ, ратующій за „дѣланіе непрестанной молитвы Иисусовой“, какъ за идеалъ монашества, за его, такъ сказать, душу, ради чумы, холеры, черной смерти, по нуждѣ разрѣшаетъ монаху и ближнему послужить. Значить это служеніе не препятствуетъ внутреннему монашескому „дѣланію“? Ужели отъ этихъ словъ не откажутся? Сколько людей до земли поклонится автору ихъ, если бы они были не словами только, а и дѣломъ самымъ. Но не вѣрится намъ въ это. Отъ насъ вѣдь просятъ гораздо меньшаго, но мы не можемъ оказать и этого меньшаго. Плохо мы вѣримъ этимъ словамъ. Говорятъ: нѣтъ теперь чумы. Но просвѣщенный авторъ „идеала православнаго монашества“, конечно, знаетъ, что по даннымъ статистики нигдѣ такъ не великъ процентъ смертности, какъ въ Россіи. Какая масса гибнетъ у насъ дѣтей? Вѣдь страшно и подумать... Сколько изъ нихъ можно было бы сохранить для жизни. Какая масса помираетъ у насъ людей и въ другихъ возрастахъ благодаря своей отчасти небезопасности, невѣжеству и всякой безпомощности. Не убійцы ли ихъ мы отчасти?... Говорить ли о цѣлыхъ округахъ прокаженныхъ? Говорить ли о цѣлыхъ громадныхъ районахъ, гдѣ жители почти поголовно страдаютъ извѣстною страшною болѣзнью? Достаточно сказать, что

¹⁾ *Епископъ Антоній*. Окружное посланіе духовенству Волинской епархіи. Волинск. еп. вѣд. 1902 г. № 30 стр. 739 слл.

одна чахотка вырываетъ изъ среды живыхъ регулярно гораздо больше, чѣмъ всякая эпидемія. Пусть вырываетъ, не смотря на все это, мы будемъ спокойно заниматься только „молитвой Иисусовой“. Пусть массы вымираютъ медленно, но вѣрною смертію... Какъ же тяжело послѣ того слушать вышеприведенныя рѣчи о чумѣ... И вспоминается мнѣ въ эти минуты наше вѣчное бахвальство о своемъ нравственномъ превосходствѣ надъ западными народами, о гнѣеніи Запада... А тамъ мало говорятъ о своемъ христіанствѣ, но за то какъ поразительно много дѣлаютъ христіанскаго. Возьмите все эти больницы, школы въ различныхъ частяхъ свѣта, миссіонерство по всей вселенной.... О, если бы и намъ поменьше словъ и побольше дѣла. Какъ процвѣла бы тогда русская земля...

Въ отвѣтъ на приглашеніе „просвѣщать народъ“ намъ снова говорятъ: „грамотность сама по себѣ безразлична: ни добро, ни зло“. А я думаю, что въ настоящіе смутные дни слѣдовало бы позаботиться не только о школьномъ просвѣщеніи народа въ духѣ православной вѣры, но и о созданіи высшихъ учебныхъ различныхъ школъ (только не іезуитскихъ), гдѣ бы дѣти высшаго сословія получали образцовое образованіе, свободное отъ тѣхъ недостатковъ, которыми такъ болѣютъ современныя школы. Намъ лично извѣстно, какъ многіе въ настоящее время не знаютъ, куда отдать своихъ дѣтей, въ чьи руки ихъ ввѣрить, чтобы было сохранено ихъ дорогое наслѣдіе... Вѣдь отсюда станутъ выходить люди, которые будутъ оказывать давленіе на цѣлые округа. Что въ сравненіи съ такими людьми убогія крестьянскія дѣти, получившія образованіе въ монастырской школѣ?...

А гдѣ иноки, идущіе со свѣтомъ ученія Христова впереди колонизаціоннаго движенія государства на востокъ вплоть до Пекина? Прежде вѣдь впереди шли иноки...

Опасно, видите ли, и грѣшно инокамъ проводить время въ школахъ, пріютахъ, богадѣльняхъ. Школа, пріютъ, больница отвлекали бы инока отъ молитвы. А оо. келари въ въ лаврахъ? А оо. казначеи во всехъ монастыряхъ? Поскольку недѣль они не бываютъ въ церквахъ „изъ святого послушанія“? А завѣдываніе гостинницами, доходными подворьями въ столичныхъ шумныхъ городахъ? Цѣлыми мѣсяцами ходить съ иконою по различнымъ градамъ и ве-

сямъ можно вѣдь инокамъ? Отправляться по „сбору“ также можно? Сидѣть въ книжныхъ и иконныхъ лавкахъ, торговать водицей, свѣчами можно инокамъ? Быть поварами можно? Нѣтъ для нихъ никакой опасности наблюдать за различными постройками? Не опасно ходить за огородами, цвѣтниками, пчелками? Не опасно даже ходить по скотнымъ, дворамъ, слѣдить за всякою ихъ прибылью? Не только не опасно, но и не помѣшало многимъ изъ такихъ иноковъ стать по смерти святыми. И вполнѣ понятно почему это: вѣдь молитву-то Иисусову творять не руками, не ногами и даже не устами, а сердцемъ, нутромъ души. Значить, ее вездѣ можно творить. Почему же тогда, спрашивается, инокамъ нельзя сидѣть въ школахъ, больницахъ, богадѣльняхъ?... Или вездѣ можно, или нигдѣ нельзя. Что-нибудь одно.

Говорять, нашъ народъ не любитъ монастырей, гдѣ процвѣтаетъ дѣятельная жизнь. А вотъ вамъ какъ разъ примѣръ обратнаго. Кто на сѣверѣ не зналъ настоятеля Кирилловскаго монастыря архим. Іакова? Онъ отличался необыкновенною высотой духовной жизни, былъ прямо подвижникомъ въ строгомъ смыслѣ этого слова. Но онъ былъ и цѣлителемъ болѣзней народныхъ. Какая масса людей ежедневно обращалась къ нему за помощью. На его погребеніе собрались тысячи народа. Всѣ плакали по умершемъ, какъ по отцѣ своемъ родномъ. До сихъ поръ еще приходятъ на его могилку и берутъ съ нея на память землицу... Такъ умѣетъ нашъ русскій народъ любить тѣхъ, *кто его любитъ*. А те иные монастыри и своими святынями—то никого не могутъ привлечь въ свои стѣны.

Притчу о прыгающемъ монахѣ черезъ золото также напрасно авторъ привелъ. Братъ, взявшій золото и натворившій на него много добрыхъ дѣлъ, порицается не за это, а за высокоуміе, за гордость, за униженіе своего брата. И молитвенный подвигъ въ подобныхъ случаяхъ развѣ не теряетъ всякаго своего значенія? Достаточно вспомнить одного евангельскаго фарисея... Такъ о чемъ же мы тогда говоримъ?...

Грустно и слѣдующее.

Насъ спрашиваютъ о томъ, что даетъ современный инокъ обществу и ближнему. А мы вмѣсто того, чтобы отвѣчать на этотъ прямой и совершенно ясный вопросъ, отсылаемъ

спрашивающихъ къ первымъ временамъ монашества, въ индійскія, палестинскія, сирійскія пустыни, рассказываемъ, какъ тогда монахи прыгали черезъ кучи золота, не желая поднять его и воспользоваться имъ... Вѣдь, кажется, ясно, какъ бѣлый день, что отвѣтъ дается не на вопросъ. Въ самомъ дѣлѣ, гдѣ же теперь эти монахи, прыгающіе черезъ золото?... Развѣ въ келліяхъ гдѣ-нибудь, можетъ быть. Гдѣ же тѣ камни, подъ которыми они жили? Гдѣ убогія церкви, въ которыхъ они молились? Гдѣ нищета и полная нестяжательность монашеская?... И припоминается мнѣ въ эту минуту мой старый знакомый докторъ, который въ отвѣтъ на мою подобную защиту монашества отвѣчалъ: „значить, наши предки Римъ спасли“... Мы живемъ въ всящихся почти до небесъ зданіяхъ, у насъ раздается грохотъ машинъ, ведется широкое сельское хозяйство, процвѣтаютъ нѣкоторыя ремесла, милліоны различныхъ назидательныхъ сочиненій выбрасываются изъ подъ типографскаго станка, слышится звонъ, непрестанный звонъ монетъ, созидаются дома для купли и продажи. Гдѣ же та преданность „единому Господу“, о которой говоритъ авторъ? Гдѣ созерцаніе? Гдѣ „гробъ прежде гроба“? Что же выходитъ? А вотъ что.

Самъ авторъ „идеала православнаго монашества“ заявляетъ, что „дѣла“ у насъ нѣтъ. Г. Кругловъ доказываетъ, что и „подѣлія“ у насъ нѣтъ. Нѣтъ „дѣла“, нѣтъ „подѣлія“, что же тогда остается у насъ?..

Еще два—три краткихъ замѣчанія.

Профессоръ Знаменскій въ учебникѣ церковной исторіи, написанномъ для семинарій и одобренномъ нашими архипастырями, перечисляя заслуги монастырей, а не недостатки ихъ, не уклоненія ихъ отъ нормы, говоритъ: „при рѣдкихъ монастыряхъ и общинахъ, — развѣ самыхъ бѣдныхъ, — не имѣются школы, богадѣльни, пріюты, страннопримницы, больницы и т. п. учрежденія, а при нѣкоторыхъ, болѣе достаточныхъ и обширныхъ, вродѣ нашихъ знаменитыхъ лавръ, можно найти почти всѣ подобныя заведенія заразъ. Нѣкоторые пріютили у себя большія учебныя заведенія, академіи, духовныя училища, женскія епархіальныя училища, пріюты со школами, школы ремесленныя, причетническія, пѣвческія, иконописныя мастерскія и проч.“ Во всеподданнѣйшемъ отчетѣ оберъ-прокурора Св. Синода за 1898 г. мы читаемъ:

при монастыряхъ 174 больницы, 140 богадѣленъ, есть школы, пріюты... И все это отмѣчается не какъ отступленіе отъ нормы, а какъ отрадная дѣйствительность... Прочитавши эти строки и строки автора „православнаго идеала монашества“, я сбился съ пути и не знаю, кому теперь вѣрить: ему или Св. Синоду, нашимъ архипастырямъ, профессорамъ...

Еще менѣе понимаю, на какомъ основаніи авторъ разбираемой нами замѣтки низводитъ изъ чина монастырей тѣ обители, которыя признаны за таковыя не только епархіальною властію, но самимъ Св. Синодомъ и вспомоствуются государствомъ, и даже Государемъ, и лучшими русскими людьми. Не понимаю я еще, что, судя по соображеніямъ автора „идеала православнаго монашества“, теперь осталось отъ такъ называемаго ученаго монашества, не исключая всѣхъ нашихъ архипастырей; управляющихъ русскою Церковію. Они вѣдь все время занимались „подѣліемъ“, т. е. воспитаніемъ юношества. Среди сколькихъ же соблазновъ они жили? Какъ же далеко они теперь удалились отъ „идеала православнаго монашества“... А что это за „святой эгоизмъ“ автора? Мнѣ кто-то сказалъ: говорить такъ все равно что говорить: „святой діаволъ“... Скорблю до слезъ и за поруганную память Рачинскаго, такъ много сдѣлавшаго для св. Церкви, объ упокоеніи души котораго такъ единодушно молилась вся православная русская Церковь... и будетъ еще молиться многіе и многіе годы.

Я кончаю свое введеніе къ статьѣ, которую озаглавилъ: „Инокіи на службѣ ближнимъ“. Теперь мною высказаны лишь самыя бѣглыя и общія замѣчанія по интересующему насъ вопросу. Далѣе я перехожу къ детальному выясненію его. Предупреждаю читателя: въ дальнѣйшихъ своихъ очеркахъ я не буду фантазировать, не скажу ни одного слова отъ себя. Я перечиталъ почти всю аскетическую литературу отъ первыхъ дней монашества до нашего времени. Поэтому вездѣ и всюду буду говорить словами нашихъ великихъ подвижниковъ и устроителей жизни иноческой. Жалѣю только объ одномъ: матеріалъ такъ обширенъ, что онъ не уложится даже и въ рамки моего обширнаго изслѣдованія по данному вопросу.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Архимандритъ Евдокимъ.